

63.5(25)
+130

Народы России.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

ПУСТЫНИ СЪВЕРА

И ИХ

КОЧУЮЩИЕ ОБИТАТЕЛИ.

Н. А. Александрова.

Иллюстрировало М. Михеинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Изд. Зе, безъ перемѣнъ.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимоное пособіе, учебнымъ комитетомъ IV Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцелярія, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ Институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ Учителской Семинаріи Воспитательного дома. Одобрена ученымъ комитетомъ Министерства Народного Просвещенія, для библіотекъ Гимназій, Промышленной и Угледѣльныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣшшемъ Синодѣ, для библіотекъ мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Глава. Управл. Военно-Учебныхъ заведений для чтения госпитальянкии. Военный Гимназій и Промышленной.

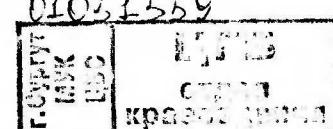

9000021940

МОСКВА. "Спеціальне дія від

Собственность книжной торговли, специально для иконгородских, А. И. Пономаревика,
Москва, Покровка, Лялинъ-пер., соб. д. № 11—13.

1904

Бюлла Григорьевича Г. Я.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Этнографія (въ обширномъ смыслѣ слова) заслуживаетъ ревностнаго содѣйствія не только какъ предметъ любопытства, но и какъ весьма важное руководство для пониманія настоящаго и заключенія о будущемъ. Распространителямъ здравыхъ началь и преобразователямъ заблужденій современной культуры этнографія можетъ оказать двоякую помощь. Заставить человѣческій умъ усвоить ученіе о развитіи—значить побудить его, сохранивъ полное уваженіе къ предкамъ, продолжать прогрессивную работу прошлаго, и продолжать ее съ болѣшей силой, такъ какъ свѣтъ увеличивается въ мірѣ, и гдѣ толпы варваровъ бре-ли ощупью, тамъ цивилизованные люди могутъ бы-стро идти впередъ съ открытыми глазами. Вы-ставлять остатки грубой, старинной культуры, перешедшія уже въ безвредныя суевѣрія, и пред-назначать ихъ къ разрушенію—является сурою, даже иногда грустною обязанностью этнографа. Но это дѣло разрушенія, хотя и не особенно от-

Дозволено цenzурою. Москва, 11 февраля 1904 года.

Типографія А. И. Поплавскаго, Покровка, д Сиротинныхъ.

радное. является не менѣе полезнымъ для блага человѣчества. Такимъ образомъ, въ одно и тоже время содѣйствуя прогрессу и уничтожая препятствія, наука этнографія есть несомнѣнно преобразовательная наука“.

Такъ говоритьъ Эд. Тэйлоръ о важномъ значеніи этнографіи; и, приведя его слова, мы обратимся къ читателю съ слѣдующими вопросами: „существуетъ-ли у насъ, въ какомъ-бы то ни было видѣ, этнографія, какъ наука; т. е. преподается ли она гдѣ нибудь въ заведеніяхъ, знакомо-ли также съ этой наукой общество, и имѣеть-ли она для изученія ея какія либо руководства или книги?“...

Прямымъ, конечно, отвѣтомъ на эти вопросы будетъ абсолютное—нетъ.

Въ гимназіяхъ, при урокахъ географії, и то только въ послѣднее время, юношество узнаетъ о народахъ, живущихъ въ Россіи, по однимъ только ихъ именамъ, а далѣе... какъ въ университетахъ, такъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, тѣ же мизерныя свѣдѣнія остаются все въ томъ же видѣ и не обогащаются дальнѣе именъ или названій ни на іоту. Общество, пользуясь энциклопедическими познаніями по разнымъ отраслямъ наукъ, въ области этнографіи лишено всякаго пониманія. Нетъ даже руководства (compen-

dium), по которому можно было бы пополнить эту пробѣлъ, и нетъ даже книги, которая бы заключала въ себѣ хоть болѣе или менѣе толково собранный этнографический материалъ. Желающему познакомиться съ этнографіей Россіи необходимо не читать, а рыться по разнымъ путешествіямъ, изслѣдованіямъ, замѣткамъ, описаніямъ и т. д. Въ одномъ изъ сочиненій онъ найдетъ различныя описанія, касающіяся одной стороны этнографіи, въ другомъ—другой; въ томъ—филологическая изысканія, здѣсь — бытовыя, тамъ, опять,—религіозныя, обрядовыя, промышленныя свѣдѣнія и т. д.,—и всю эту кучу онъ долженъ перерѣть единственно изъ желанія пріобрѣсти одни энциклопедическія познанія.

Что же касается до дѣтей, то многія изъ нихъ читаютъ весьма пространныя описанія о дикихъ Африки, Америки и другихъ частей свѣта, знаютъ, по безчисленной коллекціи картинокъ и рассказовъ, альпійского охотника и американского эскимоса, но изъ русскихъ народовъ и народцевъ имъ извѣстны, какъ по периодическимъ изданіямъ такъ и по отдѣльнымъ книжкамъ, одни самоѣды. Самоѣдами, для дѣтскаго міра, ограничиваются всѣ познанія о Россіи, и кромѣ этихъ самоѣдовъ дѣти никогда ни отъ кого не слышатъ о разнохарактерной жизни тѣхъ людей, среди которыхъ они

родились, и на пользу которыхъ посвятить современемъ свою жизнь.

Пытаясь пополнить этотъ недостатокъ, я взялъ на себя скромную задачу: познакомить молодыхъ читателей, въ общедоступной формѣ легкихъ этнографическихъ разсказовъ, съ разнообразными именами, населяющими Россію,—съ ихъ различными типами, съ ихъ бытомъ, характеромъ, занятиями, а также и съ той природой, среди которой они живутъ. Начиная съ совершенно дикой и недоступной природы тундръ, моя цѣль—переходить постепенно къ болѣе благодатной природѣ лѣсовъ, затѣмъ степей, горъ, плодоносныхъ равнинъ; и тутъ-же параллельно, начиная съ народъ дикихъ, бродячихъ и кочевыхъ, перейти къ народамъ осѣдлымъ и цивилизованнымъ. Держась такой системы послѣдовательного перехода, я полагаю представить въ общемъ содержаніи всего сочиненія и настояще положеніе народной культуры, насколько, конечно, это возможно въ предѣлахъ этнографического описанія, приспособленного къ дѣтскому пониманію.

Такимъ образомъ моя программа будетъ слѣдующая:

И н о р о д ц и тундръ, инородцы лѣсовъ, инородцы степей и инородцы горъ.

Н а р о д ы славянскіе,—малоруссы, белоруссы,

поляки,—съ ихъ настоящими и отжившими бытовыми особенностями.

Н а р о д ъ русскій, или великоруссы,—съ его подраздѣленіями на москвичей, владимирцевъ, новгородцевъ, тверитянъ и т. д.; и съ ихъ видовыми типами, какъ отжившаго быта, такъ и настоящаго.

К о л о н і з а ц і я Россіи иностранцами и затѣмъ колонизация русскихъ земель русскими-же, по окраинамъ сѣвера, востока и юга.

Задавшись такой болѣе или менѣе полной программой въ общемъ описаніи Россіи и желая въ тоже время описать подробнѣе каждый народъ и народецъ, я не счѣлъ однако нужнымъ держаться для этихъ частныхъ или отдельныхъ описаній каждого типа и народца какой нибудь однообразной, одинаковой программы. Я не ставлю рубрикъ: одежда, пища, жилище, религія и т. д. Описывая, напримѣръ, инородцевъ сѣвера,—ланландцевъ, самоѣдовъ, остяковъ и другихъ, сходныхъ между собою по образу жизни, типу и религіи,—я беру, при каждомъ изъ нихъ, только то, что данный народъ болѣе всего характеризуетъ. Такимъ образомъ, избѣгая скучныхъ повторений или описаній однихъ и тѣхъ же обычавъ и вѣрованій, въ каждомъ изъ разсказовъ, я старалось сохранить одну полноту цѣлаго,—т. е.

одно полное и подробное описание быта и жизни инородца тундрь.

Всѣ особенности и всѣ частности мною нигдѣ не упускаются изъ виду; но я останавливаюсь на нихъ только тамъ, гдѣ имѣется въ этомъ необходимость.

Беллетристическая форма, какъ общедоступный и легчайшій проводникъ знанія, заставила меня признать этотъ планъ однимъ изъ самыхъ удобныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ подходящихъ къ общей или главной цѣли всего описанія или всей книги.

Вопросы о прочитанномъ, которые признаны педагогами однимъ изъ необходимыхъ атрибутовъ всякой книги, имѣющей научную цѣль, я предлагаю каждому воспитателю и наставнику составлять по собственному своему усмотрѣнію, и считаю за лучшее предлагать эти вопросы не по какой нибудь извѣстной системѣ, а сообразно тому, какъ читавшій будетъ разсказывать.

Есть вопросы болѣе важные;—и это именно тѣ вопросы, которые предлагаются не дѣтямъ воспитателями и наставниками, а тѣ, которые дѣти предложатъ воспитателямъ и наставникамъ.

Каждый изъ дѣтей, прочитавшій, напримѣръ, хоть заглавіе моихъ этнографическихъ разсказовъ.

спросить прежде всего воспитателя или наставника: „что такое этнографія?“;—затѣмъ послѣ прочитанного разсказа, какъ послѣ совершенной пѣти экскурсіи, онъ невольно вспомнитъ особенности и различные явленія описанной картины жизни, быта и природы, и невольно рождаются у него вопросы: отчего происходит такое-то явленіе, почему оно происходитъ такъ, а не иначе? Онъ обратится къ наставнику и воспитателю за разъясненіемъ: „Почему на крайнемъ сѣверѣ не растутъ деревья? Отчего всѣ сѣверные животные покрыты блѣлой шерстью? Отчего шаманы раздражительны?“ И ни отъ одного наставника и воспитателя нельзя требовать, чтобы онъ обладалъ всесторонними знаніями и чтобы онъ могъ разъяснить или объяснить всѣ эти „отчего и почему“.

На этомъ-то основаніи, считая подобные вопросы болѣе важными, чѣмъ порядокъ вопросовъ воспитателя о прочитанномъ, я прилагаю въ концѣ каждого выпуска книги „Толкователь“. Въ этомъ „Толкователѣ“ я объясню одни главные, выдающіеся явленія и факты и объясню только то, что существенно важно съ этнографической, естественно-исторической и физико-географической стороны. Такъ, о полярныхъ льдахъ или о ледяныхъ горахъ Сѣвернаго оке-

ана, хотя и упоминается въ двухъ-трехъ рассказахъ настоящаго выпуска, но картины и описания этихъ льдовъ нѣтъ, а потому въ толкователѣ ничего о нихъ и не говорится. Когда они явятся, при описаніи промысловъ русскихъ на Сѣверномъ океанѣ, тогда будетъ объясненіе ихъ и въ толкователѣ.

Такимъ же путемъ я слѣдую и во всемъ остальномъ; то есть, составляя толкователь, я имѣю въ виду не слова, на которыхъ могутъ возникнуть вопросы любопытствующаго читателя, а описанные явленія и факты, останавливающіе вниманіе и характеризующіе природу и бытъ.

Въ концѣ же книги, когда предъ читающимъ предстанетъ общая картина быта народовъ, живущихъ въ Россіи, и когда, при сравненіи тѣхъ и другихъ особенностей быта, у читающаго явятся и вопросы непосредственно касающіеся культуры Россіи, я по мѣрѣ данныхъ, предложу самые вопросы и необходимыя къ нимъ объясненія.

Въ заключеніе считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ материалахъ, на которые я ни-гдѣ въ книгѣ не указываю, и которые я не только разсматривалъ, но и изучалъ. Для желающихъ подробно ознакомиться съ бытомъ, языккомъ и другими особенностями какого-нибудь народа или народца, я приложу въ концѣ моей книги осо-

бый для этой цѣли указатель. Въ этомъ указателѣ я, конечно, приведу только тѣ материалы, которые болѣе или менѣе подробны и полны. При составленіи же своихъ рассказовъ я пользовался, т. е. изучалъ, просматривалъ и справлялся не только съ капитальными изслѣдованіями и сочиненіями, но даже и съ тѣми мелкими корреспонденціями и замѣтками, просмотръ которыхъ былъ необходимъ для живой беллетристической формы и для правдиваго воспроизведенія той картины, которая должна представить описываемое, какъбы въ дѣйствительности происходящее или происходившее. Въ этомъ случаѣ многія корреспонденціи, многія весьма даже маловажныя замѣтки очевидцевъ, отысканныя мною въ губернскихъ вѣдомостяхъ, давали мнѣ болѣе, чѣмъ иныхъ многочисленныя сочиненія и изслѣдованія. Кастренъ, на которомъ я завязываю интересъ первого же своего разсказа „Лопари или Лапландцы“, взять мною не болѣе, какъ путешественникъ для представления дѣтямъ трудности путешествія по сѣвернымъ странамъ. Но пусть не подумаетъ читатель, что описанное путешествіе Кастрена, есть не больше какъ сколокъ собственнаго труда самого Кастрена. Однимъ трудомъ Кастрена пользоваться было бы крайне недостаточно: если Кастренъ многое перенестъ, какъ самый неутомимый путе-

шественникъ по съвернымъ тундрамъ, то, виѣ подобныхъ филологическихъ и этнографическихъ изысканій, многое изъ жизни съверныхъ народовъ, совершенно ускользнуло отъ его наблюдательности.

Я буду крайне признателенъ за каждое замѣчаніе людей, сочувствующихъ моей главной цѣли, тѣмъ болѣе что всякое дѣльное замѣчаніе, сдѣланное теперь, для меня будетъ крайне полезно; такъ какъ настоящій выпускъ есть только начало книги, для окончательного исполненія которой потребуются годы.

Вся книга будетъ состоять изъ десяти или одиннадцати выпусковъ, но каждый выпускъ самъ по себѣ, по своей сущности и содержанию, есть особая отдельная книга.

Н. АЛЕКСАНДРОВЪ.

НАРОДЫ РОССИИ

(Этнографические рассказы)

В В Е Д Е Н І Е.

Едвали есть что нибудь лучше путешествия. Его любить и старый и малый. Имъ бредить ребенокъ, начинающій познавать міръ, о немъ зачастую мечтаеть въ своемъ тихомъ углѣ и стариkъ, много уже на свѣтѣ видѣвшій и много знающій. Каждому хочется самому посмотреть и на себѣ самому испытать то, о чёмъ ему говорили и о чёмъ онъ читалъ. Хочется видѣть, какъ это бушуетъ море или океанъ въ непогоду, какъ реветъ ураганъ, какъ иссется по песчаной африканской степи всеущиножающій самумъ, какъ громоздятся и плаваютъ по съверному океану горы изо льда, какъ освѣщаетъ темную, долгую ночь съвера какой-то фантастической небесный фейерверкъ, на-

зыаемый „съвернимъ сіяніемъ“, тамъ гдѣ ночь безъ конца и дня нѣтъ, или день все, а ночи нѣтъ; какъ тамъ люди живутъ и что они дѣлаютъ; что, наконецъ, тамъ за ледяными горами и равнинами, туда къ полюсу, гдѣ еще и не былъ никто, что тамъ находится и творится; нѣтъ ли тамъ и еще какихъ особыхъ явлений и чудесъ? Все это надо развѣдать, узнать человѣку; и, несмотря на холодъ и голодъ, на смертельный зной и всевозможныя опасности, лишенія и бѣдствія, несмотря даже и на самую смерть, которая грозить на каждомъ шагу, человѣкъ спускается и на дно океана, спускается и въ кратеръ огнедышащей горы, лежитъ по недѣлямъ, заметенный суробами снѣга; теряется и гибнетъ среди ледяныхъ горъ Ледовитаго океана, — и ничто никогда не останавливаетъ его дальнѣйшихъ стремленій все знать и все изслѣдоватъ. Погибъ знаменитый Франклинъ, отправившися къ съверному полюсу, убитъ дикарями на Сандвичевыхъ островахъ Кукъ, погибъ Магелланъ и много другихъ; а за ними, снова по тѣмъ же путямъ шли и гибли новые люди; и все таки человѣкъ не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы узнать землю, на которой онъ живеть. Съ каждымъ днемъ онъ изобрѣтаетъ новыя и новыя средства, какъ бы проникнуть къ полюсамъ, въ глубину Сахары, въ дикия пустыни и лѣса Америки; узнать какая тамъ природа, какія животныя и есть ли тамъ люди, и какъ

эти люди живутъ и что они дѣлаютъ. Одни идутъ съ цѣлями открытия и пріобрѣтенія разныхъ бѣгствій, — такая цѣль руководила больше всего древними народами; другие же путешествуютъ съ цѣлями научными, — какъ образованные люди новѣйшаго времени. Изъ европейскихъ народовъ болѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи извѣстны англичане. Зато никто и не сдѣлалъ на землѣ столько открытий и разныхъ научныхъ и торговыхъ пріобрѣтеній, какъ они. Ихъ колоніи разсѣяны по всѣмъ частямъ свѣта. Изъ русскихъ путешественниковъ болѣе другихъ извѣстны: Крузенштернъ, Лазаревъ, Литке, Брангель, и ученыe академики: Кастренъ, Беръ, а въ настоящее время Миддендорфъ. Одни изъ нихъ путешествовали съ географической цѣлью, и открывали неизвѣстныя до нихъ пути и земли; другіе—съ цѣлью расширенія знанія естественныхъ наукъ, и изслѣдовали новые растенія, минералы, жизнь животныхъ и т. д.; третьи съ этнографическою цѣлью, и старались узнать, какъ и чѣмъ живеть человѣкъ, какіе его нравы, обычаи, языки, религія, какія условія его существованія, откуда онъ происходитъ, т. е. къ какому принадлежитъ племени и чѣмъ, наконецъ, онъ занимается. Руководясь этой послѣдней цѣлью, мы предлагаемъ вамъ, молодые читатели, наши этнографические рассказы, и, пользуясь трудами русскихъ путешественниковъ — этнографовъ, передаемъ разнообразный и весьма

интересный быть всѣхъ тѣхъ народовъ, которые по образу жизни, по типу и по занятіямъ разнятся одинъ отъ другого и которыми во множествѣ населена наша разноплеменная Россія.

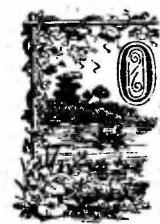
ПУСТЫНИ СЪВЕРА

и пхъ

КОЧУЮЩІЕ ОБИТАТЕЛИ.

ЛАПЛАНДЦЫ ИЛИ ДОПАРИ.

(Осень на тундрѣ).

одинъ изъ путешественниковъ, посвятившій всю жизнь на изученіе съверныхъ холодныхъ пустынь Россіи,—гдѣ воютъ, впродолженіи девяти или десяти мѣсяцевъ, страшные снѣжные ураганы, называемые пургами, гдѣ ночь и зима безъ конца, и только на два или на три мѣсяца показывается зелень и пропадаетъ спѣчь; гдѣ, наконецъ, бродятъ кочующіе, почти еще дикіе, народы и нѣть жилья на нѣсколько сотъ верстъ и нѣть дороги, которую бы кто нибудь зналъ,—одинъ изъ такихъ путешественниковъ, перенесшій всѣ ужасы этой дикой, мертвовой пустыни и изучившій языкъ, нравы и обычай ея кочующихъ обитателей,—это

Кастренъ *). Онъ еще въ дѣтствѣ, будучи школьнікомъ, рѣшился поставить цѣлью своей жизни изученіе финскихъ племенъ, какъ-то: Финновъ, Эстовъ, Лапландцевъ, Самоѣдовъ, Остяковъ, Чуды и другихъ; и такъ какъ не было въ то время никакихъ книгъ, по которымъ можно бы было хорошо изучить эти племена, то въ немъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе росло страстное желаніе посѣтить сыновъ сѣвера въ ихъ отдаленныхъ пустыняхъ и изучить ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ. Кастренъ только и думалъ, только и жилъ этою мыслью; и вотъ, можно представить себѣ радость бѣднаго юноши, когда его товарищъ по ученію, докторъ Эрштремъ, далъ, наконецъ, ему возможность осуществить его любимый планъ—и Кастренъ въ 1838 году отправился къ Лапландцамъ или къ Лопарямъ и на сѣверъ Россіи.

Сперва передъ нимъ были финляндскія скалистыя горы, рѣки, свѣтлые озера, деревья; горныя птицы летали вокругъ; и только осмидневный сѣверный холодный вѣтеръ и постоянный осенний дождь напоминали ему о близости той

* Матіасъ Александръ Кастренъ, внукъ лапландскаго миссіонера, родился въ 1813 г. въ Рованніи (въ сѣверной Финляндії). Путешествовалъ по Лапландіи, Кореліи, по сѣверу Россіи до Оби и по всѣмъ губерніямъ Сибири. Сперва онъ путешествовалъ на средства, которыя доставилъ ему его товарищъ докторъ Эрштремъ, а потомъ съ 1841 г. изучая сѣверъ Россіи по порученію Петербургской Академіи Наукъ. По возвращеніи изъ путешествій по Сѣверу въ 1851 г. онъ былъ профессоромъ въ Гельсингфорсѣ и умеръ въ 1852 г.

сурою и непривѣтливой страны, въ которую сильнѣе идетъ, и тѣ невзгоды, которыя ждутъ его впереди. Но сѣверный холодный вѣтеръ,—это пока еще одинъ изъ предвозвѣстниковъ мертвѣй, ледяной пустыни, а тамъ явится тундра безъ конца, безъ края, пропадетъ трава, исчезнетъ дерево, а тамъ завоюютъ снѣжныя мятли,—такія, что и свѣта не видать, пойдуть потомъ глубокіе снѣга, наступитъ ночь темная, и не встрѣтитъ онъ долго, долго ни одного живаго предмета и не найдетъ нигдѣ ни теплаго угла, ни покоя.

Вотъ далеко назади остались горы, попадаются только одни каменья, озера, да холмы; лѣсъ мало по-малу начинаетъ рѣдѣть, — сперва исчезаетъ сосна, потомъ лиственница и остается одна только ель, и то уродливая и не болѣе какъ въ высоту человѣка; кое-гдѣ виднѣется въ примѣси съ нею береза, но не наша стройная береза, а кривая, приземистая; и чаще да чаще становится и залегаетъ вокругъ ржавое болото, покрытое некрасивымъ ковромъ желтоватыхъ мховъ и сѣрыхъ лишаевъ; чаще, сильнѣе и безпрепятственнѣе дуетъ съ океана холодный вѣтеръ; и вотъ потянулась на необозримое пространство, вмѣстѣ съ болотомъ да кочками, — черная, мертвая и ровная пустыня, — это тундра. Во всемъ мірѣ нѣтъ ничего печальнѣе, бесплоднѣе обнаженной тундры,—состоитъ ли она изъ необозримыхъ

болотъ, или сухой, покрытой лишайми почвы. Желтоватые мхи и сѣрые лишай, да изрѣдка, кое-гдѣ, какъ диковинка, и то на южныхъ склонахъ виднѣется тощая травка или цветокъ, да иногда, рѣдко, рѣдко гдѣ, покажется, не большие какъ въ футъ высоты, ива или какои-нибудь тощий кустарникъ. Потянулась эта тундра вдоль всего Сѣвернаго Океана и Бѣлого моря, черезъ большія рѣки и озера, подъ разными названіями: Лапландской, Канинской, Тиманской, Большеземельной, по всей европейской Россіи, начиная отъ Норвегіи и до гранитной подошвы Уральскихъ горъ, а за Ураломъ—по всей сѣверной Сибири, захвативши цѣлую треть всего ея пространства. Самая тундра—это не больше какъ черная грязь на половину съ пескомъ и съ изгнившими корнями въ одорослей, и въ иныхъ мѣстахъ, покрытая кочкиами,—единственными сухими мѣстами, которые способны держать ногу человѣка и волка, а въ другихъ насквозь прохваченная обильною влагою и до того жидкай, что не только человѣкъ, но и животное, даже дерево, едва только попадутъ на ея поверхность, какъ тотчасъ же проваливаются, погибаютъ, и тундра, точно всасывая, постепенно вбираетъ въ себя попавшуюся жертву.

Не безъ страха посмотрѣль и вступилъ Кастренъ на поверхность разстилавшейся передъ нимъ тунды. Тоже чувство, казалось Кастрену, овладѣвало иногда и вожакомъ его лопаремъ, который

съ длиннымъ громаднымъ шестомъ шелъ впереди и указывалъ ему дорогу. Но проводникъ лопарь съ дѣтства бѣгалъ или рыскаль, какъ волкъ, по-всюду по этимъ болотамъ и тундрамъ, и на разстояніи нѣсколькихъ миль онъ знаетъ каждый камень, каждое деревцо, каждую кочку и прогалину; и надо только внимательно за нимъ идти. Кастренъ, измокшій и продрогшій, долго шелъ по этой болотистой почвѣ, которая то опускалась, то поднималась подъ ногами, какъ морскія волны, а ноги вязли на каждомъ шагу по колѣни; и надо было сохранить полное присутствіе духа, чтобы на каждомъ шагу разсчѣсть свою тяжесть и твердость колеблющейся почвы и чтобы ставить ногу прямо на слѣды, оставленные вожакомъ, такъ какъ одного невѣрнаго шага было совершенно достаточно, чтобы попасть въ прогалину и провалиться въ бездну. Тундра же, чѣмъ дальше, все становилась мрачнѣе и опаснѣй, а небо, тоже какое-то грязное, сливалось на горизонтѣ темной и даже черной полосой съ безконечной тундрой.

— Что, скоро ли доберемся до чего-нибудь,— говорилъ Кастренъ, которому становилось невыносимо трудно и жутко.

— Богъ знаетъ,—отвѣчалъ вожакъ,—а вотъ бури не миновать. Вишь, чернота-то какая тамъ идетъ,—это буря. Надо твердую полосу найти.— И вожакъ живѣе сталъ пробовать землю и вправо

и влѣво своимъ громаднымъ шестомъ и энергичнѣе подвигался впередъ.

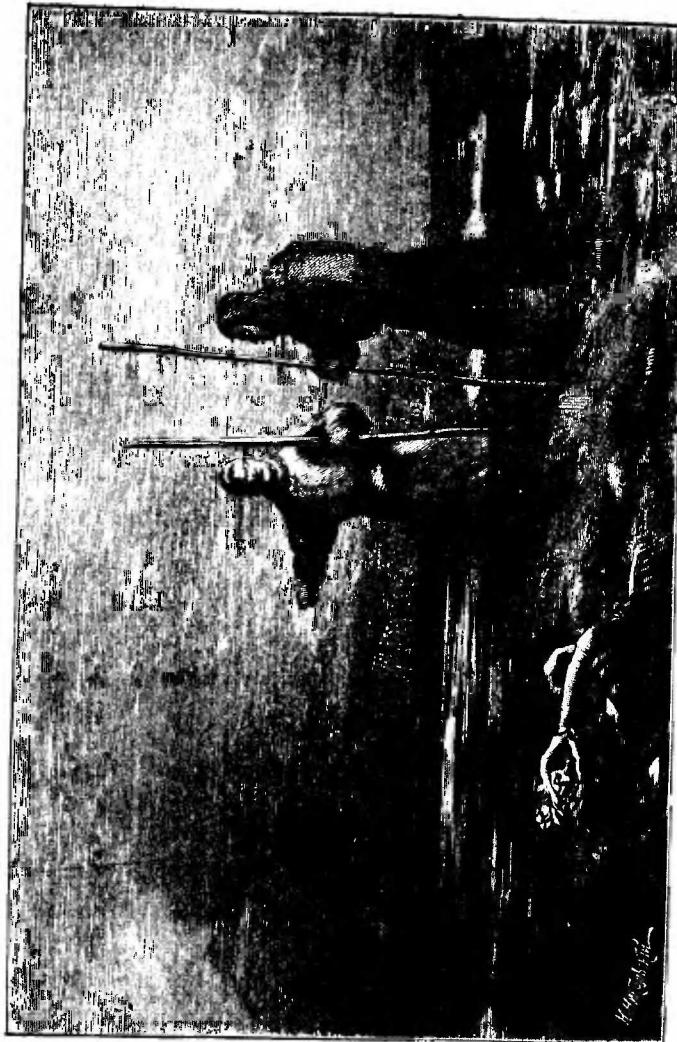
— Это Сеида, — говорилъ онъ, — требовалъ отъ насъ жертвы и бурей покажеть намъ теперь свою силу.

Сеиду или каменнаго кумира, которому прежде поклонялись лопари и приносили въ жертву оленей и другихъ животныхъ, встрѣтиль Кастренъ предъ началомъ тундры, и умный, чуждый всякихъ предразсудковъ, вожакъ лопаръ вспомнилъ о немъ по повѣрю только теперь.

— Вправо... влѣво... — кричаль онъ, быстры махая длинною жердью; и Кастренъ едва успѣвалъ вытаскивать свои ослабѣвшія ноги.

— Вправо... тутъ можетъ откочевали уже и лопари... эти рано собираются на зиму, — говорилъ вожакъ. — А виши буря-то, — прибавиль онъ, — сейчасъ, сейчасъ такъ и застигнетъ насъ.

Буря дѣйствительно подымалась уже вокругъ и вотъ—вотъ готова была разразиться; но вожакъ былъ правъ, — вдали на тундрѣ показался дымокъ, а затѣмъ какіе-то не то стоги сѣна, не то дымящіеся холмы. Это были зимнія юрты или вѣжи лопарей, — это была первая деревушка лопарей-рыбаковъ, рано откочевавшихъ отъ морскаго берега и уже приладившихъ за уютныи приторкомъ, изъ тонкихъ жердей и досокъ свои зимнія вѣжи. Вожакъ прибавиль шагу, Кастренъ ободрился, видя и спасеніе отъ бури, и отдыхъ, и

цѣль своего путешествія. Еще издали, какъ только ясно обозначились вѣжи, первымъ нарушилъ мертвую тишину пустыни послышавшійся лай собакъ, потомъ открылась и полянка, на которой валялись повсюду чешуя и внутренности рыбъ, гнилая рыба и всякая нечистота; а затѣмъ, наконецъ, показались и лопари, тѣснившіеся въ низкихъ отверстіяхъ своихъ жилищъ. Они окружили Кастрена, когда онъ подошелъ къ нимъ, и обмѣнялись на лопарскомъ языке разными привѣтствіями съ лопаремъ—вожакомъ. На первый взглядъ, какъ показалось Кастрену, трудно было смотрѣть на этихъ людей, покрытыхъ страшною грязью и насѣкомыми, и трудно было рѣшиться войти въ ихъ вѣжи, въ которыхъ было еще грязне, чѣмъ около, и откуда невыносимо несло гнилой, протухшой рыбью. Но буря, какъ-бы долго сдерживавшаяся, рванулась теперь съ страшнымъ порывомъ, и волей неволей, вслѣдъ за лопарями вошелъ въ лопарскую вѣжу первый разъ въ жизни и Кастренъ. Тутъ явилось предъ его глазами зрѣлице на первыхъ порахъ весьма отвратительное: оборванные, почти голые старики и дѣти, подставляя свои обнаженные спины и бока къ огню, валялись на оленевыхъ шкурахъ въ дыму и копоти посрединѣ у очага—и тутъ же въ одной съ ними кучѣ терлись и чавкали собачата, теребя рыбные потроха, которые цѣлыми грудами разбросаны были повсюду. Страшная грязь, нечистота и вонь на-

полняли всю вѣжу, и, казалось, не было ни одного угла и не было возможности дохнуть и высидѣть въ вѣжѣ хоть четверть часа. Кастренъ сталъ искать, гдѣ бы расположиться и, къ великой своей радости, увидѣвши чеподалеку отъ очага русского промышленника, усѣлся подлѣ него. Длиннорукіе и коротконогіе лопари, войдя за Кастреномъ, собирались все съ видимымъ удовольствиемъ у пылающего огня и, сморщивъ отъ дыма свои скуластыя, прокопченныя лица, заботливо начали хлопотать около горшковъ и стали готовить свой обѣдъ. Они проворно погружали всплювавшіе куски рыбы въ кипящую воду и пробуя съ видомъ знатоковъ „не уварилась ли,“ не забывали при этихъ пробахъ глотнуть водки и изрѣдка плутовато, но миролюбиво посматривали на сидящаго Кастрена. Одежда на лопаряхъ была уже зимняя и, вместо сѣрой суконной юпы до пять и сѣраго колпака, во что они одѣваются въ лѣтнее время, на нихъ уже были ихъ обыкновенные мѣшки или рубахи, называемыя пески, спитые изъ оленыхъ шкуръ — одна, одѣтая шерстью вверхъ, а другая — къ тѣлу, шерстью внизъ — согрѣвали лопарей отъ всякихъ стужъ; толстыя ихъ головы также были защищены теплыми олеными шапками съ научниками и тѣ же оленьи шкуры шерстью вверхъ, пришитыя вплотную къ нижней рубахѣ, торчали, въ видѣ сапогъ, и на ногахъ. Кромѣ того, все они были

подпоясаны кожаными ремнями и у всѣхъ были привѣшены къ ремнямъ ножи, ключи, моченки и разныя погремушки. Ножъ,—это любимая вещь и любимое украшеніе лопаря; безъ ножа лопарь никуда ни на шагъ; съ нимъ онъ даже ложится и спать. У женщинъ видны были свои принадлежности и свои прикрасы; но общій костюмъ былъ тотъ же, что у мужчинъ, и только на ихъ рубахахъ или пескахъ виднѣлись яркіе суконные лоскутики, пришитые въ разныхъ мѣстахъ,— и у одной красовались на шеѣ бусы, а другая выставляла щеголевато на показъ серебряный крестъ на серебряной цѣпочкѣ. Женщины сидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мужчинъ и тоже молча исподлобья взглядавали на Кастрена, или же тупо вперяли свой взоръ на пылающій очагъ и готовящійся обѣдъ. Одинъ лопарь говорилъ о чемъ-то вполноголоса съ вожакомъ Кастрена. Ка-кала-то цвѣтущая девушка, забравшись въ дальний уголъ, разсмотривала съ дѣтской радостью кольцо, ложку и платокъ, привезенные ей женихомъ съ базара; тутъ же у огня, между лопарями, стояли молча два корела, пріѣхавшіе съ русскимъ промышленникомъ,— но въ вѣжѣ, несмотря на многолюдство, становилось по временамъ такъ тихо, точно буря припугивала находящихся въ ней, и только слышно было, какъ бушевала она вокругъ, и какъ рвала крышу и, казалось, готова была разметать все стѣны. Кастренъ

ренъ сталъ пристально присматриваться къ прочности своего новаго пристанища и зорко вглядывался во все его углы. Вѣжа, такая же приземистая и неуклюжая какъ и ея хозяинъ — лопарь, сколочена была изъ тонкихъ жердей и досокъ, положенныхъ въ наклонномъ положеніи и такимъ образомъ, что вѣжа шире всего становилась посерединѣ, а на обоихъ концахъ она суживалась и образовывала двѣ узкія боковыя стѣны съ двумя отверстіями. Въ эти отверстія, прикрытыя плохими дверми, страшно дулъ и рвался порывистый вѣтеръ, а плоскую крышу, которую ради тепла, какъ и всю вѣжу, обложилъ лопарь торфомъ, буря стала уже съ одного конца приподнимать, и Кастренъ удивлялся только, какъ эта вѣжа можетъ выдержать все зимнія бури. Ему казалось, что вотъ-вотъ, одинъ, другой порывъ, и вѣжа будетъ снесена до основанія. Но русскій промышленникъ спокойно сидѣлъ около него и говорилъ, что опасаться нечего.

— Авось и не разнесеть... кажись, что затихаетъ, — говорилъ промышленникъ, смотря на приподнятый уголъ крыши.— Вы думаете, лопарская вѣжа невыносливая? — обратился онъ къ Кастрену.— Нѣтъ,—она выдержитъ много неувѣздовъ. Наши русскіе, которые живутъ на тундрѣ, перенимаютъ теперь у лопаря, какъ постройку этой вѣжи, такъ и самыи его костюмъ.

— Отчего же это?

— Житель тундры,—продолжалъ промышленникъ, отвѣчая на вопросъ Кастрена,— сегодня здѣсь, а черезъ мѣсяцъ, черезъ два Богъ вѣсть гдѣ очутится. Не стало оленю корма и потянулся олень въ такую даль, что верстъ за сто, за полтораста будетъ. Гдѣ же тутъ ставить домъ или избу, а доски и жерди взвалилъ на сани, да и отправляйся — куда придется; торфъ же есть повсюду на тундрѣ. Осѣдлые лопари, вонъ, строять и дома; но тѣ вовсе и не занимаются оленеводствомъ и живутъ уже ближе къ морю, по окраинамъ тундры. Въ самой-же тундрѣ, особенно туда, въ глубь ея, нельзя безъ оленя и нельзя не кочевать.

— Въ этой наскоро сколоченной вѣжѣ, — защищалъ промышленникъ приютъ лопаря,—было-бы только что єсть лопарю, а тамъ—пусть ихъ воють сѣверные вѣтры и шумятъ непогоды, лопарская семья вполнѣ счастлива и только еще безмятежнѣе, еще сладче спить она у огня и подставлять ближе къ нему свои спины. Тѣда или пища для лопаря,—это вся его забота и вся его жизнь. Если обеспечилъ онъ себя лѣтомъ и у него имѣются рыбные запасы, которые особенно бережно онъ хранить въ кладовой, устроенной скобу вѣжи на высокихъ столбахъ, тогда онъ выйдетъ поглядѣть иногда, не стащили ли волки или собаки его запасовъ, да навернется разъ въ мѣсяцъ къ морю или на океанъ осмотрѣть становище промышленника, ввѣренное его надзору;

всё осталное время, и день и ночь, онъ спить, и сонь — это его лучшая въ мірѣ утѣха. Нужда и голодъ—вотъ что не даетъ ему покоя и поднимаетъ его на лыжи, чтобы гоняться за дикимъ звѣремъ. Но на лыжахъ, — говорилъ какъ бы восклицая промышленникъ,—когда взлетаетъ лопарь на горы и оттуда стремглавъ спускается въ долины, тутъ можно только дивиться ему и сказать, что онъ не знаетъ соперниковъ. Онъ весь точно перерождается, и мѣшковатая его одежда и его манеры, его движенія, даже его взглядъ, все принимаетъ иной видъ; и тутъ вы не узнаете его сонную и неповоротливую фигуру. Трудно ожидать отъ него подобной прыти, но какънибудь вы сами ее увидите.

— Правду ли я говорю,—сказалъ промышленникъ, обратившись съ улыбкою къ лопарямъ. Но тѣ только молча и какъ-то робко кивнули въ ответъ головами.

Они уже сыто поѣли и, не снимая своихъ одеждъ, размѣщались на ночлегъ, завертываясь, вмѣсто одѣяль въ оленьи шкуры. Пригрѣвшись у очага, ихъ примѣту послѣдовали Кастренъ и промышленникъ. Закутавшись въ олений плащъ, словоохотливый промышленникъ продолжалъ говорить о характерѣ, о бытѣ и о промыслахъ лопарей, а Кастренъ, несмотря на страшную усталость, внимательно слушалъ занимательный разсказъ знатока - промышленника и спрашивалъ

его обо всемъ съ любопытствомъ, интересуясь каждой бездѣлицей.

— Съ страшнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ лопарь Иванова дня (24 июня),—говорилъ промышленникъ.—Съ этого дня наступаетъ обыкновенно на тундрѣ весна и наступаетъ время отправляться на промыселъ. А на промыслахъ, тамъ не жизнь, а просто масляница для лопаря. Тамъ ёсть онъ одни только вкусные, жирные куски, бросая остальное собакамъ; и тамъ ужъ въ теплѣ и холѣ подъ берестовой вѣжей не помѣшаютъ его сладкому сну мириады комаровъ и оводовъ, отъ которыхъ бросается въ воду и животное. Онъ спить себѣ, растянувшись въ своей сѣрой юпѣ и сѣромъ колпакѣ, да только разъ въ день или два выѣдетъ съ товарищами на карбасѣ въ море, и, осмотрѣвъ снасть, наберетъ цѣлые кучи разной лакомой трески и полтасы. Тамъ онъ обезпеченъ пищей вполнѣ, и любить служить работникомъ у русскаго промышленника; такъ какъ у промышленника есть и хорошая лодка, и крѣпкія снасти и все сполна, а самому-то, при бѣдности, живя на тундрѣ, трудно имѣть всѣ эти орудія и быть хозяиномъ отъ себя.

— А какія тамъ на океанѣ орудія или снасти?— спросилъ Кастренъ.

— Самыя простыя, такія же почти какъ и у всѣхъ рыбаковъ,—говорилъ промышленникъ.— Собственно говоря, есть только два орудія: одно—

Это снасти или снаряды для ловли трески и полтасы, а другое для ловли семги. Снасти для трески и полтасы незатейливы и состоять просто изъ толстыхъ бичевокъ съ поплавками, которые держатся на водѣ и къ которымъ прикрепляются такія же бичевки съ крючьями на концѣ. Бичевки съ крючьями посредствомъ грузилъ или каменьевъ опускаются въ воду, а на крючья насыживаются червяки или кусочки той же трески и полтасы. Для семги же служать обыкновенныя большія сѣти съ длинными мѣшками, которыя настораживаются у устья рѣки и становятся такимъ образомъ, что широкое отверстіе сѣти обращается всегда къ морю. Рыба въ осеннюю погоду идетъ изъ моря въ теплые воды рѣки въ громадномъ количествѣ—и мѣшки сѣтей кишатъ семгой.

— А можно теперь еще застать лопарей на морскомъ берегу,—спросилъ Кастренъ.

— Ну, сдавали,—отвѣтилъ промышленникъ.—Теперь тамъ начались ужъ такія бури и ураганы, что если и есть еще кто, такъ и тѣ только убираютъ свои снасти, да спѣшатъ и торопятся въ путь. Настоящая буря на тундрѣ не даетъ и понятія о тѣхъ ураганахъ,—теперь оттуда и звѣрь бѣжитъ. Въ вѣжѣ на тундрѣ спасеніе отъ нихъ,—заканчивалъ свои воспоминанія, кутаясь въ плащъ, промышленникъ.—Это что за буря,—говорилъ онъ,—дунула, рванула разъ, да и затихла сейчасъ. Нѣть, тамъ день, другой, третій.

да все крѣпче и крѣпче и такъ цѣлую недѣлю рветъ, вотъ это такъ буря. А это какая буря...—замѣчалъ промышленникъ, отходя уже ко сну и умываясь поближе къ огню.

Буря действительно стала уже затихать, и утомленный, измученный Кастренъ подъ тихій послѣдній шопотъ ея также крѣпко заснулъ вслѣдъ за своимъ собесѣдникомъ и на другой день проснулся довольно поздно, почти подъ вечеръ. Лопари, какъ и вчера, стояли уже у очага, крыша была починена, а промышленникъ пилъ чай и поздравилъ Кастрена съ зимнимъ саннымъ путемъ.

— Снѣгъ выпалъ по колѣно,—говорилъ промышленникъ,—и дорога въ Архангельскъ чудесная. Ёдемте вмѣстѣ, — предложилъ онъ Кастрену,—завтра и ёдемъ. Къ морю отправляться не къ чему, а лопарей теперь встрѣтимъ и на тундрѣ. Отпираемъ здѣсь сегодня свадьбу, да на утро и въ дорогу.

— Какую свадьбу?—спросилъ удивленно Кастренъ.

Но не успѣлъ промышленникъ объяснить Кастрену, что въ вѣжѣ, въ которой они сидятъ, свадьба, какъ около двери неожиданно раздался шопотъ, стукъ и громко послышались слова: „Господи Иисусе!“

Кастренъ такому возгласу изумился; но промышленникъ и лопари знали въ чемъ дѣло и

одинъ изъ лопарей, ухмыляясь подошелъ тихо къ двери, и, просунувъ въ щель свою скучающую физиономію, какъ будто сердясь, сказалъ грубо, „что за люди—не вижу“. Изъ-за двери показался полтинникъ. Лопарь взялъ его, посмотрѣль на рукѣ, потеръ имъ одинъ глазъ и, зажмуря другой, опять сказалъ „не вижу“. Ему дали и на другой глазъ полтинникъ, но онъ, схватившись за горло, сказалъ, что горло болитъ; явился платокъ и, повязавшись имъ, онъ съежился, сморщился и сталъ жаловаться на то, что прозябъ. Ему поднесли водки и, вдосталь наподчивавшись ею, онъ отошелъ, но дверь не отворилъ, и его мѣсто заступилъ сейчасъ же новый лопарь.

Всѣ лопари, осклабившись, сидѣли и стояли тихо, мыча только по временамъ какія-то односложныя и двухсложныя замѣчанія, а другой лопарь, снова продѣлавъ ту же комедію, какъ и первый, отворилъ дверь и сказалъ: „войдите и посмотрите“ только тогда, когда послышались изъ-за двери слова: „идемъ отъ заморскаго купца, у котораго улетѣла золотая пташка и спряталась тутъ“.

Вереницей, гуськомъ, держа другъ друга за плечи, входили съ шумомъ гости въ вѣжу, и впереди всѣхъ, что есть мочи топая ногами, шелъ женихъ, котораго сзади осаживали, какъ оленя, и кричали постоянно „тиру... тиру...“ .

Кастренъ взглянулъ на женщињъ, желая увидѣть между ними невѣсту, но невѣсты не было. У очага, понуривъ голову, смироно сидѣлъ ея отецъ и притворялся спящимъ. Гости направились къ нему и, желая разбудить, тронули его слегка пальцами по головѣ. Старикъ скорчился и, открывъ глаза, попросилъ на починку головы. Его одарили, и снова тронули, онъ снова сморщился и попросилъ уже на починку носа, а потомъ шеи и т. д., и его все дарили,—женихъ не отказывалъ ему ни въ чёмъ. Дарилъ женихъ тутъ же и другихъ родственниковъ. И вотъ, спустя нѣкоторое время, показалась съ закрытымъ лицомъ невѣста. Впереди ее шла сваха и вела ее за руку, а она шла медленно и точно боялась и конфузилась. Подойдя къ жениху и не открывая невѣстинаго лица, сваха попросила подарка и, получивъ его, открыла и сказала: „не это ли та пташка?“ Женихъ осклабившись, подошелъ ближе и отвѣчалъ: „она самая“. Тогда вся компанія точно оживилась, и сватъ, дернувъ руку жениха къ себѣ подмышку и повернувъ ее кистью вверхъ, а ладонью внизъ, сдѣлалъ шагъ съ женихомъ къ невѣстѣ, а сваха, сдѣлавъ то же съ невѣстой, приблизилась къ жениху; и затѣмъ, чуть только женихъ и невѣста дотрогивались руками другъ до друга — ихъ отхватывали, и потомъ, снова подводя, снова отдергивали,—и такъ до трехъ разъ.

Женихъ взглядалъ на невѣсту, а невѣста, точно русская дѣвушка, постоянно краснѣла и потупляла глаза. У очага явилась водка, затѣялось стряпанье и пошла гульба. Мужчины всѣ были у огня, а женщины сидѣли немного поодаль. Спустя часъ, другой, послѣ нѣсколькихъ угощений, лопари стали разговорчивѣе, не стѣснялись уже присутствіемъ Кастрена и промышленника, и одинъ лопарь, сидѣвшій подлѣ Кастрена, расхваливалъ ему свою жену и говорилъ, что впродолженіе тридцати - лѣтней жизни онъ ни разу не сказалъ ей иначе, какъ—„моя штапка“, лопарь—вожакъ Кастрена, тоже на веселѣ, объяснялъ ему, какъ лопари любятъ своихъ женъ и какъ не уважаются только жены бездѣтныя.

Шумъ, разговоръ и угощенье все усиливались и усиливались, и промышленникъ, обращаясь къ Кастрену, замѣтилъ, что эта гульба пойдетъ теперь у нихъ дня на два, на три.

— А когда же самая свадьба? — спросилъ Кастренъ.

— Свадьба въ церкви, когда случится, когда будутъ въ Колѣ, или гдѣ есть церковь, а завтра здѣсь будетъ своя свадьба, но уже безъ всякихъ обрядовъ и веселье начнется въ юртѣ у жениха. Женихъ съ завтрашняго дня—батракъ, работникъ за невѣсту на тестя и работникъ на цѣлый годъ. Жить же онъ ужъ будетъ своимъ домомъ.

— А постомъ у нихъ не случается свадебъ? — спросилъ Кастренъ.

— Нѣть, — посты они строго чтуть и только ъдятъ бѣлыхъ куропатокъ, полагая, что это не больше какъ летучая рыба. Многіе изъ нихъ, — говорилъ промышленникъ, — знаютъ уже молитвы, и хотя еще очень суевѣрны, но отъ язычества остались у нихъ одни только колдуны; а о шаманахъ, что у самоѣдовъ, простыль уже и слухъ. Впрочемъ, колдуны ихъ—тѣже шаманы и приемы колдуновъ вполнѣ напоминаютъ шамановъ, — говорилъ промышленникъ. — При гаданьяхъ колдуны также впадаютъ въ безчувственное состояніе и, по убѣждѣнію лопарей, душа колдуна разлучается съ тѣломъ и, блуждая повсюду, она развѣдывается, гдѣ лежитъ украденная вещь, что за причина болѣзни и пр. Есть колдуны замѣчательные, и они ходятъ къ нимъ издалека—верстъ за сто, полтораста. Колдуны эти раздражительны и, впадая въ безчувственное состояніе, раздражаются также скоро, какъ и лопари.

Рѣчь при этомъ онять затѣялась о лопаркахъ; старикъ-лопарь снова заговорилъ, что впродолженіе тридцати-лѣтней жизни онъ ни разу не сказалъ женѣ иного слова, какъ—„моя штапка“; промышленникъ сталъ шутить съ одной изъ поблизости сидящихъ и, увидѣвъ лопарку чѣмъ-то занятую въ углу вѣжи, тихо подкравшись, онъ неожиданно хлопнуль передъ ней въ ладоши.

Лопарка вспыхнула и поблѣдила, а промысленникъ хлоннулъ вторично, и лопарка, затрясшись вся и виѣ себя, точно фурія, бросилась вдругъ на промысленника и стала его бить, царапать, кусать и тутъ же въ изнеможеніи повалилась на скамью. Но только что очнулась, какъ промысленникъ махнулъ передъ ея глазами платкомъ и скрылся. Она снова пришла въ неистовство и, не имѣя передъ глазами промысленника, стала бросаться, какъ сумасшедшая по вѣжѣ отъ одного къ другому и кого била, кого хватала за волосы. Кастренъ въ нетерпѣливомъ страхѣ ждалъ уже и своей очереди и вдругъ увидѣлъ, какъ она, вперивъ въ него свой дикий взглядъ, кинулась распластанными руками на него и готова была уже вѣнчиться; но, къ счастью, два здоровыхъ человѣка схватили ее, и обезсиленная она упала къ нимъ на руки.

Лопари при этомъ только шумѣли и кричали; нѣкоторые же пугливо, робко и безсмысленно нозирались вокругъ, а иные уже спали, растянувшись у очага. Кастренъ и промысленникъ ушли сейчасъ же ночевать къ сосѣдямъ и, выходя изъ вѣжи, видѣли лопарей, которые валялись въ снѣгу у дверей вѣжи.

Промысленникъ былъ не радъ своему опыту и раскаиваясь, говорилъ, что подобного результата онъ не ожидалъ; но, вспоминая множество слышанныхъ и видѣнныхъ примѣровъ неистов-

ства лопарокъ, онъ разсказывалъ примѣры и еще рѣзче, и потомъ, улегшись у очага, онъ снова сталъ высказывать свои мнѣнія относительно лопарей. Онъ говорилъ, что лопарки весьма трудолюбивы и также, какъ и самоѣдки, прекрасно шютъ, говорилъ, что многія изъ нихъ уже носятъ лѣтомъ сарафаны и заплетаютъ косы, что все онъ довольно хорошо говорятъ по-русски, и что только въ кругу русскихъ узнаешь всегда молчаливаго, робкаго и спокойнаго лопаря, но въ сношеніи съ другими лопарями онъ тотъ же русскій.

— И теперь они уже переняли много обычавъ и обрядовъ чисто русскихъ...

— А какія у нихъ обряды при рожденіи и при похоронахъ? — спросилъ Кастренъ.

— При рожденіи нѣть ничего особеннаго, а покойниковъ они почитаютъ и, насыпав надъ ихъ могилами курганы, они ставятъ всегда тутъ же на могилѣ и сани, принадлежавшіе покойнику, и опрокидываютъ эти сани полозьями вверхъ.

— А не знаете ли, — спросилъ промысленникъ, — давно ли они приведены въ христіанство?..

— Да со временъ еще Иоанна Грознаго преподобнымъ Трифономъ Печенѣжскимъ, — отвѣчалъ Кастренъ. — И нѣкогда они заселяли всю Скандинавію; нѣкогда, какъ говорить исторія, это было многочисленное племя, которое вмѣстѣ съ другими финскими племенами пришло, тѣснимое монголами, изъ внутренней Азіи, изъ-за Алтая,

и владычествовало на всемъ съверѣ, а быть можетъ оно владычествовало и по всей Европѣ. Позднѣйшія изслѣдованія и позднѣйшіе историки быть можетъ найдутъ въ немъ иaborигеновъ *) Европы, которые принадлежать къ кавказскому или тюркскому племени.

— Но теперь пока,—заканчивалъ свою рѣчь Кастренъ,—теперь сохранилось въ русскихъ лѣтописяхъ одно только общее народное название финскому племени—„бѣлоглазалъ чудь“; и въ настоящее время дни существованія этого нѣкогда многочисленнаго племени почти уже сочтены. Собственно лопари, какъ мы видимъ, и какъ вы сами говорили, исчезаютъ совсѣмъ: и въ Россіи, и въ Швеціи ихъ насчитываютъ теперь не болѣе, какъ тысячъ десять...

— Слышили ли поютъ русскую пѣсню,—сказалъ Кастренъ. И уродливая русская пѣсня съ непріятнымъ дзвяканьемъ въ выговорѣ русскихъ словъ на *о* разносилась дико, среди гама и крика пировавшихъ лопарей, и Кастренъ долго, внимательно вслушивался въ однообразный ея мотивъ.

На другой день съ разсвѣтомъ сани, запряженныя шестеркой оленей, стояли уже у вѣжи и собравшіеся лопари угрюмо и молча пожелали промышленнику счастливаго пути.

Лопарь-вожакъ прочиталъ про себя „Отче нашъ“, и предъ Кастреномъ опять потянулась необозримая тундра, но уже покрытая бѣлой, снѣжной пеленой, и сытные олени неслись по ней легко и плавно, какъ птицы.

*) А б о р и г е н ы — первоначальные или первобытные жители края.

верный и далекій городъ на востокѣ Россіи,—и отсюда началось его путешествіе по тундрѣ къ самоѣдамъ.

19-го декабря 1842 года передъ домомъ мезенскаго городничаго стояли олени санки съ рогожнымъ верхомъ; впереди ихъ сани открытыя, и четверка добрыхъ оленей, запряженныхъ какъ въ тѣ, такъ и въ другія, чуя путь, вытянули свои короткіе шеи и только помахивали вѣтвистыми красивыми рогами. Приземистый самоѣдъ, такой же съ виду какъ и лопарь, и также одѣтый, и съ такимъ же длиннымъ шестомъ въ рукахъ, называющимся у самоѣдовъ „хорей“, стоялъ молча, опершись на него, у переднихъ саней. На немъ былъ мѣшокъ изъ оленьей шкуры шерстью внизъ, известный и во всей Россіи подъ именемъ „малицы“, а поверхъ малицы надѣть былъ другой мѣшокъ—„савицъ“, такой же какъ малица, но съ кашишномъ. Ноги окутывались шерстяными чулками и поверхъ ихъ виднѣлись отдалено узорчатые оленьи „нимы“, служившія ему въ видѣ сапогъ.

Толпа любопытныхъ зрителей, мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, несмотря на сильный морозъ, окружала кибитку, заглядывала въ низенькия окна самаго дома и съ нетерпѣнiemъ, кутая свои носы въ шубы, ожидала проѣзжающаго, чтобы посмотреть, какъ онъ будетъ усаживаться. Кастренъ вышелъ и любопытные, засматривая ему въ лицо, одни охали и, мотая го-

САМОѢДЫ.

(Зима на тундрѣ).

Лютая, безконечная сѣверная зима вступила во всѣ свои права и разнеслась по тундрѣ страшными бурями и замятелью или пургой. Спуталось въ снѣжныхъ вихряхъ небо съ землей, замело, засыпало и занесло глубокими снѣгами, по деревнямъ и городамъ, дома до крышъ, а морозъ,—о которомъ, какъ и о бурахъ, никто изъ жителей внутренней Россіи не имѣеть и понятія,—крѣпко скжаль и сковалъ въ одну общую льдину всю пустыню тундры.

Архангельскіе друзья и знакомые, описывая самыми мрачными красками дикую зимнюю пустыню, старались всячески отговорить Кастрена отъ путешествія; но надежда обогатить науку какими-либо открытіями воодушевила Кастрена рѣшимостью, и онъ готовъ былъ жертвовать самъ жизнью лишь бы достигнуть этого. Онъ перѣхалъ изъ Архангельска въ Мезень,—самый сѣ-

ловами, спрашивали, куда онъ ёдетъ а знающій объяснялъ толпѣ, что проѣзжающій нѣмецъ и что, бывая у Алексея Васильевича, который прожилъ двадцать лѣтъ на тундрѣ, онъ все записывалъ, что тотъ ни говорилъ, къ себѣ въ книжку,—и, стало быть, опь ищетъ золото и прочаго: что лежитъ въ горахъ“. Кастренъ, вынувъ нѣсколько грошей нищимъ, вскочилъ въ кибитку, нищіе, оборотившись лицемъ къ церкви, молились, по обѣщанію одной старухи, за его благополучіе; и тутъ-же раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Всѣ сняли шапки и стали креститься. Затѣмъ послышалось громкое „сь Богомъ“, самоѣдъ тронулъ единственную, длинную ременную возжу, далъ по толчку палкой каждому изъ оленей и олени мелко застучали копытцами по убитой городской дорогѣ. Изъ Мезени дорога пошла на Сомжу, а оттуда потянулась она прямо къ сѣверу, и предъ Кастреномъ разостлалась неизмѣримая равнина Канинской тундры. Если-бы не вѣтеръ, который сметаль снѣга, посылаемые благимъ небомъ на эту мрачную землю, то трудно было бы рѣшить, что находишься на землѣ,—она была также нага и бѣдна, какъ и мать ея—море, восточный берегъ которого былъ видѣнъ, и сливался съ землей въ одну мрачную безконечную линію. Изрѣдка встрѣчался кой-гдѣ рѣденъ-кій ельникъ, чаше попадался ивовый кустарникъ, который указывалъ обыкновенно на присутствіе

маленькаго ручья, тихо пробиравшагося по тундрѣ, и, взглядываясь тщательнѣй, можно было открыть небольшія возвышенности. Они иногда были обнажены совершенно; иногда же они покрывались тонкимъ, но крѣпкимъ снѣжнымъ чешукомъ, сквозь трещины которого пробивался частый оленій мохъ. Вотъ все, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней мелькало передъ глазамъ Кастрена и о чёмъ онъ, вспоминая потомъ, писалъ въ своеемъ путешествіи: „земля была пуста и пустынна, почти какъ при началѣ творенія міра“.

Самоѣдъ, свистя по временамъ на оленей, тянулъ однообразную, какъ бы въ ладъ своей пустынѣ, дикую пѣсню,—что сѣѣль какой-то самоѣдъ, въ одинъ разъ, семь сырыхъ омулей *), что выпили такие-то и такие-то самоѣды, тамъ-то и столько-то вина; и ужъ наступила ночь, озарили пустыню яркія звѣзды, а онъ все импровизировалъ монотонно весь свой домашній бытъ и слышались чаще всего воспѣванія вина и сырой оленьей печени и оленьей крови. Онъ пѣлъ, какъ и все дикіе народы, что ему приходило на умъ и что онъ любилъ, или что было по сердцу.

Олени неслись равномѣрной рысцой по снѣжной пустынѣ, которая мерцала изрѣдка какимъ-то страннымъ полусвѣтомъ, и нѣть возможности представить той ужасной тишины, какая царила

* Рыба вродѣ сига.

вокругъ, иногда только нарушаемая лаемъ одиночаго песца или крикомъ бѣлой совы,—пѣвицы, достойной этихъ пустынь. Не было возможности думать, находясь на этой могилѣ природы, о присутствии какой-бы то ни было жизни; но вотъ вдали, за сугробами и снѣжной гладью, освѣтился вдругъ чумъ или юрта самоѣда, а ямщикъ-самоѣдъ крикнулъ „сполоха“ и, прервавъ свою пѣсню, указалъ Кастрену на сѣверъ.

Кастренъ выглянула, — это было сѣверное сіяніе.

Оно уже образовало на горизонтѣ неба ярко-свѣщающуюся дугу, которая волновалась и измѣняла по нѣскольку разъ свою форму; уже выбрасывались до середины неба и исчезали, и снова выходили и собирались въ пучки блѣдноватые лучи; уже стали изъ свѣтовой дуги появляться и огненные столбы; и вотъ они поднялись по одиночкѣ, затѣмъ зажглись вдругъ разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; зажглись радужнымъ переливомъ отъ кроваво-красного до зеленаго, до блѣдно-изумруднаго и до блѣдно-желтаго цвѣта. Подымаясь все выше и выше, они заволновались, заходили какъ живые, то исчезая, то снова являясь, и, наконецъ, слившись въ одно пламенно-мерцающее море, они скопились на серединѣ неба въ одинъ дивно-свѣщающійся куполъ, называемый вѣнецъ, который и озарилъ всю мертвую пустынную тундру какимъ-то волшебнымъ, фантастиче-

скимъ свѣтомъ. Всѣ очертанія вокругъ—дрожали, всѣ предметы, казалось, точно были созданы только одной мечтой и въ дѣйствительности ихъ не существовало; безмолвіе же ночи еще болѣе придавало всему сверхъ-естественнѣсть и таинственность; и, поглощенный этой картиной, Кастренъ даже вздрогнулъ, очутившись неожиданно у чума и слыша русское ломаное привѣтствіе „торова“.

Самоѣды стояли около его кибитки, а нѣкоторые, освѣщенные какъ-бы бенгалльскимъ огнемъ, двигались у чума и также обмѣнивались съ ямщикомъ Кастрена своимъ привѣтствіемъ „торова“.

— Торова,—сказалъ и Кастренъ.

Хозяинъ и хозяйка отвѣчали ему тѣмъ же; и хозяинъ не сводилъ съ него своихъ прищуренныхъ, подслѣповатыхъ глазъ, а хозяйка посмотрѣвала то на него, то на своего мужа. Ямщикъ медленно отпрягалъ оленей. Сѣверное сіяніе, это весьма обыденное явленіе для самоѣдовъ, было на этотъ разъ, противъ обыкновенія, очень кратковременно; и не успѣлъ Кастренъ налюбоватьсь имъ вполнѣ, какъ вѣнецъ сіянія началъ ежeminутно блѣднѣть и блѣднѣть, затѣмъ разорвалась и свѣтовая дуга, рѣже, короче и безцвѣтнѣе сдѣлались самые лучи и вскорѣ пошли по небесному своду разбрасываться одни широкія, блѣдныя, почти что пепельнаго цвѣта, свѣщающіяся пятна, которыя, сливаясь постепенно, образовали подъ конецъ одно бѣловатое, нѣжное облако.

Темная ночь поглотила все чудное явленіе и снова зимній мракъ одѣлъ пустынныи ландшафтъ.

Кастренъ подошелъ къ чуму. Этотъ чумъ былъ не болѣе какъ конусообразный шатерь, составленный изъ жердей и обшиитый олеными одѣялами, — однимъ шерстью наружу, а другимъ шерстью внутрь. Жерди, вбитыя въ землю въ некоторомъ разстояніи другъ отъ друга, образовали круглое основаніе патра и, связанныя крестообразно наверху, оставляли небольшую дыру для выхода дыма.

Кастренъ заглянулъ въ отверстіе, служащее дверью и прикрытое оленьей шкурой, — въ чумѣ было темно, какъ въ могилѣ и кто-то стоналъ. Онъ попросилъ огня, но отвѣта не было, — онъ повторилъ свою просьбу, — отвѣта опять таки не послѣдовало, и, ходя по чуму и наткнувшись на кучу хвороста, онъ самъ свалилъ его на очагъ и развелъ огонь. Ярко освѣтившаяся внутренность чума показалась Кастрену довольно уютной. Повсюду виднѣлись подушки, вездѣ въ два ряда уколочены были постели, поль, для предохраненія отъ сырости и стужи, устипался твердыми постилками, сплетенными изъ прутьевъ бересты и метляка; поверхъ постилокъ лежали оленьи шкуры и на самомъ священному мѣстѣ, противъ двери, называющемся „си и сѣ ку й“, черезъ которое не смѣеть переступить самоѣдка, хранились разныя лучшія вещи и самые лакомые съѣстные при-

пасы Кромѣ больного самоѣда, лежавшаго на одной изъ постелей, Кастренъ замѣтилъ въ чумѣ и дѣвушку-самоѣдку, которая забившись въ уголъ, съ жадностью теребила и рвала зубами большой кусокъ мерзлаго сырого мяса, причемъ работала головою такъ, что волосы въ безпорядкѣ развѣвались около окровавленнаго ея лица. Она взглядывала, украдкою, съ выраженіемъ сильнаго страха и даже отчаянія на Кастрена, и походила въ это время на какого-то шевелящагося звѣрька. Но вдругъ, выраженіе лица ея измѣнилось и, положивъ въ сторону кусокъ мяса, она привела въ порядокъ волосы, открыла лицо и глаза ея засияли какой-то радостью. Кастренъ изумился, а дѣвушка была очарована, заблестѣвше передъ огнемъ его серебряной табакеркой.

Въ это время вошли хозяинъ съ хозяйствкой и за ними, спустя нѣсколько мгновеній, явился самоѣдъ — колдунъ или шаманъ, къ которому обращаются язычники-самоѣды, какъ къ священнику и какъ къ врачу.

Онъ вошелъ какой-то нетвердой, лукавой походкой, и странный, но вмѣстѣ съ тѣмъ красивый костюмъ его, освѣщенный пламенемъ, рѣзко бросался въ глаза. На немъ была замшевая рубаха (самбура) съ красною суконною каймой, съ такими же выпушками по всемъ швамъ и съ такими же эполетами на плечахъ. Глаза и все лицо его покрывались лоскутомъ сукна, такъ какъ

шаманъ или, какъ зовутъ его самоѣды—тадибей, проникаетъ въ тайны духовнаго міра только внутреннимъ взоромъ; на головѣ же не было ничего, и только узенькая лента изъ краснаго сукна проходила по затылку, а другая по темени для укрѣпленія лоскута, спускавшагося на лицо. На груди висѣла желѣзная бляха, а въ рукахъ тадибей держалъ небольшой круглый барабанъ, изукрашенный весь разными кольцами, лоскутками и оловянными фигурками.

Войдя, онъ прямо подошелъ къ больному и сталъ распрашиватъ, не знаетъ ли онъ, кѣмъ наслана болѣзнь, кто его враги, съ кѣмъ больнойссорился, дрался и т. д. Но больной только отрицательно моталъ головою и все время безсмыс-лленно мычалъ. Тогда тадибей приступилъ къ своему чародѣйству: забивъ оглушительно въ барабанъ, онъ запѣлъ, вызывая невидимыхъ духовъ тадебціевъ, нѣсколько таинственнымъ и ужасающимъ напѣвомъ. Растигивая каждое слово и каждый слогъ до безконечности, онъ пѣлъ: „Не покидай, тадебцій, больного, ступай на верхъ, ступай къ верховному владыкѣ къ Нуму и проши о всломоществованії“. И тадебцій, видимо, по словамъ тадибя (какъ потомъ удалось узнать Кастрену), исполнилъ его приказаніе и вернулся съ извѣстіемъ, что Нумъ не сказалъ ни слова и не далъ помощи. Тадибей при такомъ извѣстіи упрашивалъ тадебція, чтобы онъ помогъ самъ;

но тадебцій отвѣчалъ: „какъ мнѣ помочь? вѣдь я меныше Нумы, я не могу помочь“. Тогда тадибей, не отставая въ своихъ просьбахъ, снова сталъ просить, чтобы тадебцій вознесся опять къ Нуму и умолялъ бы его неотступно о помощи и спасенії; на это тадебцій будто бы отговаривался и совѣтовалъ тадибею отправиться къ Нуму самому“.

— Я не могу добраться до Нумы,—пѣлъ на это жалостнымъ тономъ тадибей,—онъ слишкомъ далеко отъ меня; если-бы я могъ добраться до него, я не сталъ бы просить, тадебцій, тебя; я пошелъ бы къ нему, но я не могу, такъ ступай же къ нему ты самъ.

Послѣ такихъ увѣщаній тадебцій какъ-будто сжалілся и сказалъ тадибею: „ну, для тебя я пойду, но Нумъ безпрестанно бранитъ меня и говоритъ, что не скажетъ мнѣ ни слова“.

Такъ, бесѣдуя долго съ невидимымъ тадебцемъ, тадибей замолкалъ по временамъ и барабанилъ слабѣе, точно вслушивался въ отвѣты тадебція, а помощникъ тадибя дотягивалъ въ эти промежутки послѣднее слово пѣсни и дико, не-подвижно смотрѣлъ въ какую то точку.

Окончивъ бесѣду, тадибей вдругъ заревѣлъ, забарабанилъ и въ какомъ то восторженномъ состояніи, точно видѣніе, онъ сталъ, конвульсивно подергиваясь, возвѣщать изреченіе оракула.

Онъ говорилъ, что болѣзнь произошла отъ од-

ного врага и, прося опять тадебція, онъ насыпалъ въ отміщеніе эту болѣзнь ея виновнику. За заклинаніями онъ выпулъ сушеную березовую губку и, вырѣзавъ изъ нее нѣсколько кусочковъ, онъ клалъ, зажигал эти кусочки, на больную ногу и, видимо, радовался, когда кусочки отъ тѣла отскакивали. Онъ говорилъ, что болѣзнь пройдетъ, что Нумъ смиловался и что болѣзнь перейдетъ на врага. Его блуждающій взглядъ и его дикие жесты дѣлались при этомъ покойнѣс, сдержаннѣе и подъ конецъ, принявъ отъ хозяевъ жертву и удаляясь изъ чума, онъ еще разъ предвѣщалъ больному полное здравіе и долгую жизнь.

Но больной умеръ на другой же день и, какъ казалось Кастрену, онъ умеръ отъ антонова огня. Указывая на умершаго, Кастренъ обвинялъ въ его смерти тадибеса; но самоѣды не вѣрили Кастрену и говорили, что тадибей самъ ничего не можетъ сдѣлать, что онъ не больше какъ толмачъ невидимаго міра духовъ и тадебціевъ, а тадебціи дѣлаютъ и добро, дѣлаютъ и зло, и что все на свѣтѣ зависитъ отъ одного Ну ма.

И нѣкіи (такъ зовутъ самоѣдокъ) обрядили покойника въ его лучшую одежду и, продѣлавъ въ чумѣ противъ дверей небольшое отверстіе, пронесли черезъ него умершаго, схвативъ его за голову и за ноги. Въ сани, принадлежащія покойнику, былъ запряженъ его любимый олень и, когда тѣло было вынесено и уложено, само-

Ёды весь кучею, съ дѣтьми и съ собаками окружили его и повезли хоронить.

Опустивъ покойнаго въ неглубокую яму, они бросили туда-же его ножъ, заблаговременно ими испорченный и иступленный; бросили разломанный на части хорей, которымъ погонялъ покойный оленей; бросили разбитую чашку, изъ которой онъ любилъ пить водку, и, полагая, что покойникъ будетъ въ могилѣ еще нѣсколько времени жить, и венцы его ему будуть при этомъ случаѣ нужны, они засыпали ихъ вмѣстѣ съ нимъ землею и на курганѣ надъ могилой принесли въ жертву любимаго оленя, который привезъ въ могилѣ своего мертваго хозяина.

Жертва, обагривъ курганъ, лежала у деревяннаго кумира или болванчика, называемаго х а г е, знаменитый каменный представитель котораго находится у самойдовъ на островѣ Вайгачѣ и явился туда, имѣя человѣкоподобную форму и остроконечную голову, неизвѣстно какимъ образомъ. Самоёды мазали свѣжей оленьей кровью губы болванчика, тыкали ему въ ротъ куски оленьей печени, и сами, подчиваясь то сырой олениной, то водкой, едва затѣмъ притащились обратно въ свои чумы.

Оставивъ кочевье съ его свѣжимъ покойникомъ, Кастренъ отправился на другой день дальше по тундрѣ, по направлению къ Печорѣ, и по

дорогъ говорилъ съ ямщикомъ - самоѣдомъ о покойникахъ.

Ямщикъ вѣровалъ, что со смертью кончается все для человѣка, что умретъ человѣкъ и конецъ всему; вѣровалъ въ исключительное бессмертие однихъ тадибеевъ, которые превращаются въ могилѣ въ такъ называемыхъ „ирматовъ“, и скитаются ночью по землѣ, дѣлая людямъ то добро, то зло. Онъ говорилъ, что ихъ надо очень бояться и что не слѣдуетъ о нихъ много думать.

— И у меня, — сказалъ самоѣдъ, заканчивая свои разсказы о покойникахъ,—тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ братъ уѣхалъ на небо.

— Какъ такъ? — спросилъ Кастренъ, желая узнать въ чемъ дѣло.

— Да побѣхалъ охотиться на волковъ и уѣхалъ туда, — былъ отвѣтъ самоѣда.

— Стало быть волки его сѣли и безъ вѣсти пропалъ, — замѣтилъ Кастренъ.

— Нѣтъ, на небо уѣхалъ, — настаивалъ самоѣдъ и твердо вѣровалъ, что братъ его на небѣ.

Кастренъ хотѣлъ продолжать еще разговоръ о покойникахъ, но недалеко на тундрѣ послышался лай собакъ, и олени, положивши свои вѣтвистые рога на спину и помахивая своими коротенькими хвостиками, полетѣли къ новому дому, или отдыху такой быстрой рысью, что самоѣдъ только засвистѣлъ и замахалъ съ радостью своимъ длиннымъ хоресмъ.

Кочевые показалось издали въ какой-то тревогѣ: иньки сновали около чумовъ, сани были нагружены подушками и разными вещами, а подѣзжая, Кастренъ встрѣтилъ и самоѣдовъ, которые, поймавъ ближайшихъ къ чуму оленей,ѣхали уже къ своимъ стадамъ.

— Что это? — спросилъ Кастренъ ямщика.

— На другое мѣсто, — слышался отвѣтъ, — въ дорогу; и ямщикъ указалъ на чумъ, который неожиданно на глазахъ Кастрена исчезъ и свалился инькой на сани.

Первый разъ Кастренъ видѣлъ оживленнымъ кочевые: тутъ, почти что голые, бѣгали ребятишки отъ чума къ чуму, тамъ иньки кричали и проворно работали, укладывая свои вещи и разбирая чумы; въ одномъ мѣстѣ разсерженный самоѣдъ сѣкъ своего кумирчика или хаге, за то, что тотъ не исполнилъ его просьбы; въ другомъ мѣстѣ самоѣдъ сколачивалъ старыя сани, а вдали заливались громкимъ пронзительнымъ лаемъ собачата, загоняя стада, и самоѣды ловко вскidyвали мѣткія и крѣпкія петли на рога своихъ оленей.

Тяжело дышавшіе олени Кастрена, остановясь у чумовъ, хватали съ жадностью пухъ свѣжаго снѣга, а ямщикъ, вынувъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой и подкрѣпясь любимымъ напиткомъ, продолжалъ объяснять Кастрену, что самоѣды уходятъ на новое мѣсто, такъ какъ не стало болѣе на настоящемъ для оленя корма, и олень ушелъ,

отыскивая мохъ, далеко, гдѣ будуть его рѣзать волки и уйдетъ онъ затѣмъ еще далѣ...

— Чего-жъ они заторопились?

— День коротокъ—ночь скоро,—отвѣтилъ ямщикъ.

— А куда-жъ теперь самоѣды отправятся? — спросилъ Кастренъ.

— А куда олень поведеть, — отвѣчалъ ямщикъ,—олень лучше знаетъ, гдѣ мохъ лежитъ... гдѣ есть мохъ—тамъ и останавливаются опять...

И въ долгихъ своихъ странствіяхъ по тундрѣ и на пути къ Печорѣ, Кастренъ встрѣчалъ еще множество перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто самоѣдовъ, видѣль, какъ останавливается кочевье и вѣчная работница самоѣда—инька,—въ какихъ нибудь полчаса разбиваетъ и устраиваетъ свой чумъ; встрѣчалъ Кастренъ на тундрѣ и русскихъ и зырянъ, которые ёздятъ съ водкой и, спасая самоѣдовъ, пріобрѣтаютъ у нихъ за ничто разные мѣха и оленей; видѣль также, какъ кроткій, простодушный самоѣдъ, ради водки, поддается всякому обману и какъ живетъ онъ на тундрѣ, оттѣсненный русскими отъ рекъ, лѣсовъ и лучшихъ пастбищъ въ самую глубь пустыни, едва и кое-какъ промышляя на ней, то оленемъ, то рыбой. Вполнѣ безотрадной и даже ужасной казалась Кастрену эта жизнь, которую влечить самоѣдъ—вѣчно въ кабалѣ и вѣчно голодая; но самоѣдъ не ищетъ другой жизни, и всѣ попытки

Кастрена приучить къ себѣ самоѣда, ради легчайшаго изученія самоѣдскаго языка, остались безъ успѣха.

Самоѣдъ, живя въ избѣ Кастрена съ женой и съ дѣтьми въ одной изъ русскихъ деревень, говорилъ постоянно Кастрену: „ты живешь со мной ладно и я люблю тебя, но смилийся и отпусти меня“. И такъ нѣсколько разъ Кастренъ пытался удержать при себѣ самоѣда, ублаготворяя его вдоволь и водкой, и деньгами, но самоѣда тянуло ежеминутно на тундру, въ чумъ, и Кастренъ волей не волей долженъ былъ отказаться отъ своихъ удобствъ и устроить свой ученый кабинетъ въ чумѣ нищихъ самоѣдовъ, находившихся недалеко отъ деревни. При крикѣ дѣтей и лай собакъ, живущихъ вмѣстѣ съ самоѣдами въ чумѣ, и при воѣ вѣтра, который задувалъ иногда и ночникъ, Кастренъ изучалъ самоѣдскія нарѣчія и всматривался во всѣ мелочи самоѣдской жизни.

Обыкновенно въ чумѣ сидѣла передъ нимъ инька, сучившая изъ оленыхъ жилъ нитки, или чинившая малицу; сидѣль, жуя курительный табакъ и поплевывая въ огонь, голодный самоѣдъ и тутъ же толклись голые ребятишки, стояли у очага, поднявши носы, маленькия шавки или собачата; и Кастренъ распрашивалъ самоѣда, почему у нихъ считается нечистой инька, почему она не смѣеть шагать черезъ одежду мужа, черезъ постель, черезъ синекуй и черезъ всякую

лежащую вещь; почему они и некъ быть, когда тѣ постоянно работаютъ, а сами самоѣды только спятъ; почему также, готовя Ѳду, иньки Ѳдять одни остатки отъ нее, почему на иньку, которая родить, самоѣдъ смотрить, какъ на нечистую и скверную... и т. д. На все это самоѣдъ давалъ весьма неопределенные отвѣты и говорилъ: „инька переступить черезъ малицу, надо сдѣлать чистой ее, надо положить на очагъ, инька переступить черезъ синекуй, его надо освятить,— надо бросить на синекуй, зажженный уголь или губку...“

На распросы объ обрядахъ при рождениі, свадьбѣ и другихъ, онъ также отвѣчалъ весьма неопределенно, ничего не объясняя, и на вопросъ, какъ даются при рождениі имена, самоѣдъ отвѣчалъ: „какъ Нумъ укажетъ. Ты вошелъ, говорилъ онъ Кастрену, — и ребенка мы назвали „немзл“ (немецъ); снѣгъ повалилъ, когда онъ рождается,— назовутъ снѣгъ; пурга запуститъ— и назовутъ ребенка пурга...“

Свадьбу же Кастрену пришлось видѣть передъ отѣздомъ съ Печоры въ Сибирь, когда онъ оставлять самоѣдовъ и направлялся къ другимъ инородцамъ,— остыкамъ.

Самаго свадебнаго сговора, когда сватъ торгуется съ женихомъ невѣсты о томъ, что женихъ за невѣсту обязанъ платить, Кастренъ не засталъ; ему пришлось присутствовать на свадебномъ

пирѣ, — въ чёмъ. впрочемъ, и заключается весь обрядъ самоѣдской свадьбы.

Пиръ свадебный, — это былъ чисто кровавый пиръ. Передъ чумами толпилась гурьба разряженныхъ самоѣдовъ и инекъ; въ серединѣ между ними стоялъ красивый олень. Ребятишки, засунувъ руки въ малицы, прыгали около него и радостно визжали, чуя сладкое оленье мясо. Одинъ изъ распорядителей пира, напрягшись всѣмъ тѣломъ, держаъ оленя за рога, другой стоялъ на готовѣ съ ножомъ, иньки, собравшись молча нѣсколько поодаль, выжидали приказанія мужей, а самъ хозяинъ, уставясь противъ оленя съ обухомъ, улучалъ удобную минуту свалить его однимъ ударомъ. Олень свалился, а длинный ножъ попалъ ему прямо въ сердце, и въ одно мгновеніе вытащенный дыхательный каналъ взволновалъ всю толпу. Толпа заорала, и чуть не перепралась изъ за-этого лакомаго куска; но кусокъ по всѣмъ правамъ принадлежалъ родственникамъ жениха, и, разорванный на части, онъ въ ту же минуту исчезъ. Съ олена живо сняли шкуру, разрѣзали животъ и, выбросивъ все несѣдѣбное, перевернули навзничъ. Онъ сталъ походить на длинную посудину, наполненную кровью, въ которой плавали печени, легкія и сердце. Гости и хозяева,—всѣ съ длинными ножами, обступивъ олена, хватали съ жадностью куски теплаго, дымящагося мяса, и, обмакивая ихъ въ кровь, съ

особымъ звѣрствомъ и наслажденіемъ ловко срѣзывали ножомъ небольшіе куски подлѣ самаго рта. Свѣжая кровь такъ и струилась по поднятымъ рѣдкимъ бороденкамъ и выгнутымъ шеямъ, а подслѣповатые, узенькіе глаза блестѣли, какъ искорки, и чашка водки, туманя ихъ глаза, довершала все блаженство.

Легкія и печонка служили дессертомъ, но когда кончился пиръ у убитаго оленя, всѣ отправились въ чумъ, гдѣ кипѣль уже котель и полусыре мясо, разрѣзанное на части, подносились на деревянномъ блюдѣ почетнымъ гостямъ а въ томъ числѣ и Кастрену. Женихъ и невѣста были тутъ же, и невѣста, одѣтая въ короткую оленью шубку, плотно обхватывающую верхнюю часть тѣла и окаймленную у колѣнъ собачимъ мѣхомъ, представляла полный типъ самоѣдской красавицы и была лѣтъ тринадцати. Маленькое, круглое лицико, большия губы, полныя и красныя щеки, белый лобъ, черные маленькие глазки и черныя, длинныя косы до пять, — вотъ главныя ея достоинства. Костюмъ ея, какъ и всѣхъ самоѣдоекъ, былъ изукрашенъ красными, синими и желтыми обшивками, па ногахъ были пестрые штаны, олеиней кожи чулки и только двѣ нитки синяго стекляруса на головѣ отличали ее отъ другихъ дѣвушекъ.

Женихъ также не уступалъ въ красотѣ своей невѣстѣ: его широкія скѣлы, маленькие глаза,

смуглый цвѣтъ лица, плоскій носъ съ широкими ноздрями, составлявшій съ низкимъ лбомъ прямую линію, и затѣмъ толстая губы, окаймленная рѣденъкой щетиной волосъ, и черная, какъ смоль, голова, вполнѣ характеризовали его монгольское племя.

На пиру онъ также, какъ и всѣ его собраты, пилъ страшно водку и, несмотря на то, что во время пира его невѣста и другія дѣвушки шли самоѣдскія пѣсни, походившія напѣвомъ на кваканье лягушекъ, онъ вмѣстѣ съ остальной компанией, заводилъ постоянныя драки, и ни съ того ни съ сего таскалъ сосѣда за волосы, а тотъ его. Пиръ завершился общей потасовкой, гдѣ не обращалось вниманія ни на полъ, ни на возрастъ: шляпные цѣплялись другъ другу въ волоса, таскали одинъ другого по чуму, шли на кулаки, дрались костями и все это, довершавшее пиръ и веселье, происходило безъ всякаго повода.

На другой день предъ Кастреномъ разыгрывался второй актъ этой драмы и все снѣжное поле передъ чумами было усыпано павшими героями и героянами предшествовавшаго пира. Многіе лежали безъ чувствъ, съ открытыми головами, уткнувшись въ снѣгъ, и вѣтеръ наметывалъ надъ ними сугробы. Нѣжный супругъ ходилъ отъ одного лежащаго трупа къ другому, искалъ свою подругу и, находя, оборачивалъ ее спиной къ вѣтру и ложился рядомъ съ нею носомъ къ носу.

Другой ходилъ съ разбитымъ кофейникомъ въ рукахъ и вливалъ въ горло своей возлюбленной нѣсколько капель оставшейся водки; третій, наткнувшись на своего врага, давалъ ему нѣсколько толчковъ въ бокъ и отъ напряженія и раскачиванья падалъ тутъ-же и самъ. Иныхъ, сильно опьянѣвшихъ, привязывали къ санямъ и отправляли домой; а державшіеся на ногахъ и кое-что еще чувствовавшіе, замѣтивъ Кастрена, подошли къ нему и каждый силился что-то ему сказать, о чёмъ-то спросить и все разомъ требовали, чтобы онъ ихъ выслушивалъ.

Два самоѣда съ Печоры, возчики Кастрена, также были не трезвы и хотя стояли, готовые уже къ отѣзду, у саней, но всячески старались отговорить Кастрена отъ поѣздки и предвѣщали поэтому сильную непогоду.

Кастренъ взглянулъ на небо, солнце уже показалось на горизонти и огненно-красныя облака, занимавшія большую часть небосклона и мерцавшія какимъ то особеннымъ свѣтомъ, дѣйствительно, казалось, были подозрительны и не сулили хорошаго дна. Но, выдержавъ уже много бурь и непогодъ и освоясь съ ними, въ продолженіе своего долгаго странствованія по тундрѣ, Кастренъ рѣшился отправиться въ дорогу и теперь. Онъ съ радостью оставилъ пустынную Печору, о которой говорять все, что „она создана не Богомъ, а образовалась уже послѣ потопа“; онъ

прощжалъ послѣдній разъ окружавшія ее низменныя пространства и думалъ только о томъ, какъ бы добраться скорѣе до Урала. Самоѣдовъ онъ уже изучилъ, проживъ съ ними на ихъ тундрѣ болѣе года и его интересовали другіе народы, живущіе за Ураломъ. Но Уралъ былъ еще далеко. Признаки, предвѣщавшіе непогоду на тундрѣ у Печоры, стали обозначаться яснѣй и яснѣй и не успѣль Кастренъ отѣхать верстъ десяти или пятнадцати отъ чумовъ, какъ возчики и самъ уже Кастренъ вструхнули не на шутку. Буря закрутила мятелью всю снѣжную даль, понесла съ страшною силою цѣлые снѣговыя тучи и вотъ стала грознѣй и порывистѣй подходить ближе и ближе, заслонила вокругъ горизонтъ, и исчезли изъ глазъ въ снѣговомъ водоворотѣ и и небо, и земля. Кастренъ видѣлъ, какъ возчики остановились, какъ, подойдя другъ къ другу, они долго о чёмъ то совѣтовались, долго покачивали головами, хотѣли, какъ казалось, идти къ нему, а потомъ снова разсѣлись по своимъ санямъ и сердитѣе только замахали своими хороями и быстрѣе старались подвигаться впередъ. Но вѣтеръ крѣичалъ, порывы становились все чаще и чаще. Кастрену трудно уже было дышать и глядѣть и, встревоженный, онъ подозвалъ возчиковъ и спросилъ: „сколько проѣхали“? — Мы не знаемъ, гдѣ мы и ничего не видимъ,—былъ ихъ печальный отвѣтъ; и каждый разъ, останав-

ливаясь и сгребая снѣгъ съ себя и съ Кастрена, они повторяли тѣ же ужасныя слова и, тащась шагомъ, видимо блуждали, направляя оленей то въ одну, то въ другую сторону. Они припадали къ землѣ, старались опредѣлить дорогу по направлению вѣтра, всматривались въ струи снѣга и, наконецъ, набрели какъ то на рѣку, которая одному изъ нихъ была известна. Онъ спустился по оврагу къ самой рѣкѣ; но прошло много времени и онъ не являлся; за нимъ отправился другой, и Кастренъ одинъ одинешенекъ, сидя въ своей кибиткѣ и заметаемый снѣгомъ, ждалъ въ нетерпѣливомъ страхѣ ихъ возвращения; но прошло много страшныхъ мучительныхъ часовъ, — онъ уже полагалъ, что возчики бѣжали куда-нибудь отъ страха, или заблудились, или попали въ какія нибудь ямы; но вернувшись опять повторили ему: „мы не знаемъ, гдѣ мы и ничего не видимъ“.

Наступило общее отчаяніе: Кастренъ думалъ, что это его послѣднее путешествіе и путешествіе на тотъ свѣтъ; возчики безнадежно махали руками и обращались за спасеніемъ къ Нуму, а буря только визжала, да металась, какъ голодный волкъ по ровной пустынѣ и грозила засыпать путниковъ подъ однимъ снѣжнымъ сугробомъ, хороня ихъ въ этой могилѣ навѣки. Она какъ бы не знала на чёмъ ей сорвать свою силу; и, перетащившись черезъ рѣку, возчики опять стали поворачивать то вправо, то влево, разъ

пять пріѣзжали назадъ къ той-же самой рѣкѣ и совсѣмъ выбились изъ силъ, совсѣмъ рѣшились остановиться и отаться на произволъ судьбы, предлагая Кастрену единственное спасеніе — укрыться подъ санями, подъ снѣговымъ сугробомъ, продѣлывая въ немъ постоянно дыру для воздуха, — и Кастренъ соглашался, видя одинъ исходъ, — но вдругъ олени круто повертили и, не смотря на всѣ усилия возчиковъ направить ихъ на востокъ, они, видимо чуя донесшийся по вѣтру изъ чумовъ дымъ, усиленно потянули черезъ сугробы и подснѣжныя кочки на западъ.

Возчики ободрились и черезъ нѣсколько мгновеній въ одинъ голосъ прокричали: „чумы — чумы видать“... Въ чумѣ, когда сидѣлъ уже Кастренъ у огня, старшій возчикъ поглядѣлъ на него и многозначительно сказалъ „нѣ я, а онъ — Нумъ, спась тебя въ эту ночь“... Кастренъ долго однако не могъ прійти въ себя, долго не могъ опомниться; ему все что-то мерещилось; онъ точно находился въ какомъ-то бреду и въ довершеніе всѣхъ потрясеній, въ глубокую полночь, когда уже все спало крѣпкимъ сномъ, послышался передъ чумомъ какой-то трескъ. Кастренъ привсталъ, приподнялъ тихо дверь, и ужасъ обнялъ его снова. Странное и страшное зрѣлище явилось передъ нимъ какъ во снѣ. Вокругъ небольшого костра, разложеннаго передъ чумомъ, что-то двигалось, кривлялось и это что-то было

до того уродливо, что могло бы смутить самого смѣлаго и чуждаго всякихъ предразсудковъ человѣка. Это что-то было не болѣе двухъ аршинъ, оно тихо ковыляло на необычайно короткой ногѣ, слонялось во всѣ стороны и точно крутилось на мѣстѣ, затѣмъ садилось, скрестивъ ноги, у огня, и, постукивая таинственно по очагу, издавало протяжный и заунывный звукъ: „у....у....у....!“

Кастренъ разбудилъ возчика; тотъ поглядѣлъ на чудище; и оказалось, что это было самоѣдское заклинанье вѣтровъ,—это была самоѣдская колдунья.

На другой день она рассказала Кастрену нѣсколько самоѣдскихъ преданій и вѣрованій, и преданіе о шаманѣ Уріерѣ. Разсказала, „какъ жилъ въ старину на землѣ тадибей, по прозванию Уріеръ; и былъ онъ тадибей надъ тадибелями, мудрецъ надъ мудрецами, врачъ надъ врачами, вѣщущий надъ вѣщунами; и много онъ обѣхалъ странъ, много видѣлъ народовъ, и было у него множество оленыхъ стадъ; но наскучили ему труды и напасти земной жизни и сказалъ онъ: „здѣсь оленеводство дѣлается все хуже, а ловъ съ каждымъ годомъ уменьшается, звѣрь становится все рѣже и рѣже, а воровство, обманы и всякая неправда напротивъ умножаются, не хочу жить болѣе на этой жалкой землѣ, поищу лучше отчизны на небѣ“; и, сказавъ это, онъ взлетѣлъ съ своими женами на небо и тамъ нашелъ и

сильныхъ оленей, и отличный мохъ и много звѣрей, и все, что только можетъ пожелать человѣкъ“.

Это преданіе рѣзко обрисовало передъ Кастреномъ несчастную жизнь самоѣда, какъ и другія преданія и вѣрованія, рассказанныя старухой — колдуньей, которая одинаково были одно другого безотраднѣй и одно другого печальнѣй. Кастренъ испыталъ самъ всѣ ужасы тундры, видѣлъ близко всѣ невзгоды самоѣдской жизни, и ему не казалось послѣ этого ужаснымъ или невѣрнымъ самое страшное и самое безотрадное изъ вѣрованій самоѣдовъ, „что Богъ смерти царитъ надъ землею, елисейскія же поля находятся подъ нею, въ ея нѣдрахъ, и тамъ живеть добрый и счастливый народъ, называющійся сириями“. З ноября 1843 года Кастренъ увидѣлъ впервые давно жданный Уралъ во всемъ его великолѣпіи и „князь Урала“ *), поднявъ свое бѣлое чело, красовался на небѣ среди тысячи мерцающихъ звѣздъ.

— А, видишь, князь нынче кротокъ... а онъ не всегда таковъ,—сказалъ сопровождавшій Кастрена самоѣдъ.

Онъ тутъ-же объявилъ, что недавно погибъ на Уралѣ его братъ; что бури рвутъ на Уралѣ цѣлья

*) Княземъ Урала, или господиномъ Урала, самоѣды называютъ каждую высокую вершину Уральского хребта.

скалы, низвергаютъ каменья, и „надо бояться князя,—онъ грозный князь“...

Буря застигла Кастрена, но по ту сторону Урала, и черезъ три дня Кастренъ былъ на тундрѣ сибирской, на тундрѣ у остяковъ.

О С Т Я К И.

(Весна на тундрѣ).

ай уже былъ на исходѣ. Солнце стало почаще заглядывать, подольше заставляться надъ мрачной тундрой и дни замѣтино начали прибывать. Олениные остыки, то есть тѣ, которые водятъ олѣйей и которыхъ въ числѣ остыцкаго народа весьма немного, давно уже потянулись за оленемъ чрезъ снѣжную тундру къ берегамъ Ледовитаго океана; а остыки-рыбаки, бросали звѣриную зимнюю охоту и собирались къ рѣкамъ. Время наступало горячее, прибыльное, и надо было запастись рыбой, заплатить ею долги русскимъ барышникамъ, которые снабжаютъ остыка хлѣбомъ и разными вещами; а главнѣе всего требовалось насытить отощавшіе за зиму желудки и утолить поскорѣе голодъ.

По всѣмъ притокамъ Оби, по всѣмъ берегамъ озеръ и рѣкъ показались разставленныя остыцкія

сѣти и верши; повсюду остатки чинили невода, и, вставая утромъ, остатокъ будиль свою жену, говоря ей: „подай сѣть, подведи собаку“. Затѣмъ, отправляясь къ озеру, или къ рѣкѣ, онъ пробивалъ пешнемъ рыхлый ледъ, запускалъ подъ ледъ свою сѣть, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, яростно впивался въ первую попавшуюся живую, трепещущую рыбу.

Но сѣверная весна идетъ быстро, солнце, бросая безпрерывно лучи, творить чудеса, и не успѣль еще остатокъ насладиться первымъ уловомъ, какъ ледъ посинѣлъ, подтаявшій снѣгъ сталъ на тундрѣ проваливаться, отовсюду потекли мутные, илистые ручьи; вскорѣ затѣмъ, спустя день-другой, тронулась Обь, зашумѣли ея безчисленные притоки, волнуясь и пѣняясь выступила вода изъ береговъ,—она бурлила и рвалась повсюду, куда только могла направиться по ровной, гладкой тундрѣ. Остатокъ кричалъ уже своей женѣ: „убирай скорѣе сѣти, убирай верши“, и прятался въ свой зимнякъ или зимнюю юрту; но вода усиливалась, подступала и къ зимняку, и остатку приходилось, спасаясь отъ наводненія, бѣжать на возвышенный мыса и уходить въ далекія опушки лѣсовъ. Черная же тундра, не такъ еще давно ледяная и снѣжная, превращалась мгновенно въ какую то безбрежную, бесконечную пустыню водъ,—сливались болота съ озерами, озера съ рѣками, а Обь раскинулась верстъ на сто и казалась какимъ то

моремъ. Прохода и проѣзда не было нигдѣ. Обитателями тундры явились всевозможныя породы болотныхъ и водяныхъ птицъ. Они громадными стаями налетали изъ теплыхъ южныхъ странъ, и прежде всѣхъ показался дикий лебедь—кликунъ, который высоко летѣлъ, направляясь къ океану, сопровождаемый тѣснымъ караваномъ своихъ братьевъ; за нимъ, не прошло и дня, потянулись вереницы гусей, закрякали утки, пролетѣли журавли, и въ какую-нибудь недѣлю запестрѣла водяная пустыня цѣлыми тучами новыхъ обитателей, а весенний воздухъ огласился разнообразными пѣснями. Но остыкъ не чувствовалъ и не находилъ ни мелодіи въ этихъ пѣсняхъ пернатыхъ, ни прелестей въ роскошной веснѣ,—онъ только радовался добычѣ, которая его ждетъ; онъ весело гикалъ и весь сиялъ, когда раздавался по рѣкѣ плескъ большой рыбы. И только стала вода сбывать, только обнажились зазеленѣвшіе пригорки и показались рѣчные берега,—остяки нагрузили на рты или сани всѣмъ своимъ имуществомъ, положили на нарты берестяной чумъ, сѣти, невода; въ особыя—же нарты уложили семейного кумира или божка, одѣтаго въ остыцкій костюмъ съ разными тесьмами и украшеніями, и поволоклись черезъ жидкую, промокшую тундру, то на собакахъ, то на оленяхъ на новыя мѣста. Нѣкоторые расположились по притокамъ Оби, иные, и даже большая часть, по рѣ-

камъ впадающимъ въ Обь; а воть и на самой Оби, на небольшомъ островѣ дымятся берестяные остыакіе чумы, сушится на веревкахъ цѣлыми рядами рыба, остыки бредутъ съ неводами по отмели, небольшая кучка столпилась на берегу,—не видать ни женщинъ, ни ребятишекъ, и стоять между остыками пріѣхавшій къ нимъ Кастренъ; рядомъ же русскій мелкій барышникъ и провожатый остыакъ-христіанинъ. Барышникъ, видимо, явился обирать остыakovъ. Онъ грозно смотрѣть на нихъ, а добродушные остыки, понуря головы, молча окружили его и робко взглядываютъ своими подслѣповатыми глазами, то на него, то на Кастрена. Въ ихъ жалкихъ, изнуренныхъ фигурахъ, вовсе не признать тѣхъ сыновъ могучаго сѣвера, о которыхъ въ старину ходило въ русскомъ народѣ повѣрье, какъ о людоѣдахъ и великанахъ. Въ ихъ вялыхъ лицахъ и движеніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго признака отваги или смѣлости, и они, хотя и погружаютъ по обычая новорожденнаго младенца въ снѣгъ, какъ бы посыпая его всѣмъ суровостямъ сердитаго сѣвера и закаляя съ ними на борьбу; но не вскормлены и не закалены они суровой природой, а скорѣй подавлены и забиты ею, какъ забиваетъ и не даетъ она жизни ни растенію, ни дереву. Вотъ они—большеголовые, маленькие, на тонкихъ худыхъ ногахъ, стоять боязливо, какъ вкопанные, тихо говорятъ между собою, еще тише отвѣчая

ють на вопросы, и, точно прячась въ самихъ себя, съежились, сморщились, и глядятъ, какъ бы выспрашивая у всѣхъ одну защиту и помилованіе.

— Много наловили рыбы?—спрашиваетъ ихъ Кастренъ.

— Нѣтъ, мало,—едва внятно проговариваетъ старикъ-остякъ.

— Какъ же ты жену теперь сыну купишь,—замѣчаетъ барышникъ.

Остыакъ кланяется, просить хлѣба, табаку, водки; говорить, что сынъ самъ достанетъ жену, что онъ увезетъ ее, и что у него у самого есть docheri, да никто не покупаетъ ихъ; и снова старикъ заключаетъ отвѣтъ свой поклонами и прошѣбой—хлѣба, табаку и водки.

— А ты увезъ себѣ жену, или купилъ?—спрашиваетъ его Кастренъ.

— Они все воруютъ себѣ женъ,—ввернуль свое слово барышникъ.

— Нѣтъ, бачька, я не кралъ жены. Мнѣ отецъ по шестому году купилъ ее; съ тѣхъ поръ и живу съ нею.

— Она, вонъ,—говорилъ старикъ, указывая на закрытый чумъ и предлагая такимъ образомъ посѣтить его чумъ и убѣдиться въ его словахъ. Берестяной, низенький, четырехугольный чумъ, съ высокой остроконечной крышею, сдѣланной изъ

ивовыхъ стволовъ, обшитыхъ съ помощью гибкихъ древесныхъ кореньевъ берестою, казался безлюденъ, и только клубящійся изъ закоптѣлого отверстія дымъ, напомнилъ Кастрену вѣчный инородческій очагъ съ висячимъ надъ нимъ котелкомъ, съ собаками, съ голыми вокругъ ребятишками и съ вѣчной суетней вѣчныхъ работницъ-женщинъ, стряпающихъ и тутъ же шьющихъ и нянчающихъ. Ребятишки, какъ только отворилась дверь и вошелъ Кастренъ, мигомъ побросались одинъ за другимъ, пролѣзая какъ бы въ щели, между спинами матерей и стѣнами чума, а женщины, взглянувъ, оторопѣвшіи, на Кастрена, притаились каждая на своемъ мѣстѣ и каждая за своей работой. Старуха варила въ котлѣ стерлядь, одна изъ женщинъ, по виду дѣвушка, зашивала пестрый суконный малахай, который остыки носять лѣтомъ, другая чинила сѣть, и наконецъ еще двѣ женщины, забравшись въ уголъ, ъли съ жадностью мелкую трепещущую рыбку, и чавкали на весь чумъ, не обращая ни на кого вниманія. Посоливъ рыбку, они вкладывали ее хвостикомъ къ себѣ въ ротъ, и только забывается или дрогнетъ туловище во рту, какъ головка, отрѣзанная зубами, отскакивала и рыбка хрустѣла въ зубахъ, а новая солилась и быстро заступала мѣсто проглоченной.

— На здоровье эта ъда остыку и сибиряку,— говорилъ барышникъ и объяснялъ Кастрену, что

сырая рыба предохраняетъ сибиряка и остыка отъ разныхъ болѣзней и отъ скорбута.

Кастренъ попробовалъ ее, но она показалась ему отвратительной и онъ просилъ сварить для него вкуснаго налима или какого-нибудь лососика. Старуха захлопотала по этому случаю пуще прежняго, а Кастренъ, разглядывая обстановку остыцкаго чума, усѣлся подлѣ очага на берестяной постилкѣ. Обстановка чума была такая же, какъ и у самоѣдовъ: тѣ же стояли идолчики или **х а г е**, по остыцки называемые **лонгъ**, также были вымазаны у нихъ губы и морды, только не оленьей кровью, какъ у самоѣдскихъ, а рыбнимъ жиромъ, тѣ же, затѣмъ, висѣли по стѣнамъ чума **совики**, или зимнія одежды изъ оленьей шкуры, зовущіяся у остыковъ **гусемъ**, та же торчала около совика малица, именуемая по остыцки **пакой**; и повсюду на всемъ этомъ лежала толстымъ слоемъ копоть и нечистота, характеризующая остыка между инородцами больше, чѣмъ кого бы то ни было. У рыбаковъ-лапландцевъ было грязно, но рыбакъ-остыкъ точно пропитанъ былъ грязью, а его чумъ, съ валявшимися повсюду внутренностями и головами рыбъ, походилъ на помойную яму. Въ одномъ мѣстѣ торчали какие-то грязные лохмотья, въ другомъ рыбныя кишкі, перемѣшанные съ чешуей, тамъ виднѣлись кости; затхлая же и удушливая вонь отъ рыбы и дымъ отъ очага довершали все остальное. Скитаясь

давнымъ давно по инородческимъ чумамъ, Кастренъ сидѣлъ теперь спокойно и въ этой чумной атмосфѣрѣ и, взглядываясь во все окружающее, онъ посматривалъ только то на барышника, то на старика остыка. Старикъ, — старшина въ этомъ ко-чующимъ остыцкомъ родѣ, все еще вымогалъ или вымаливалъ у барышника, всѣми правдами и не-правдами—хлѣба, табаку и водки. Другіе остыки также кланялись и тоже, вслѣдъ за старикомъ, издавали какіе-то молящіе звуки.

— Я тебѣ, бачька,—говорилъ старикъ,—и зимнюю всю рыбу отдамъ и на будущій годъ будетъ рыба твоя.

— Врешь, брагъ, врешь... обманешь...—плутовато подстрекалъ старика на разныя выпрашиванія и обѣщанія барышникъ.

— Право, бачька, не обману... клянусь тебѣ лонгомъ (то-есть остыцкимъ идоломъ или божкомъ), все твое будетъ, никому не отдамъ...— и остыкъ распинался клятвами и готовъ былъ поклясться самой страшной остыцкой клятвой надъ ноздрей медведя, которого чтуть остыки какъ бога и, произнося клятву, говорятъ всегда: „пусть сожреть меня медведь, если я клянусь ложно“. Но барышникъ казался непоколебимъ: онъ все еще поматывалъ головой, какъ будто не вѣря; потомъ, наконецъ, надумалъ новую придирку и сталъ говорить, обращаясь къ остыкамъ, что рыбы у нихъ пока нѣть, что, стало быть, и отдать

то имъ не изъ чего будетъ, и что они никогда не расплатятся, такъ какъ по старому счету или за-бору они много должны.

— Расплатимся, бачька, право расплатимся,— опять распинался за всѣхъ тщедушный старикъ...—одинъ годъ... другой годъ... и расплатимся... Я, бачька, выглядѣль на одной рѣкѣ, недалеко отсюда, хорошее мѣсто... завтра же туда перейдемъ... тамъ много рыбы... хорошая рыба... все тебѣ будетъ... очень хорошая рыба... А сегодня, бачька, и птица будетъ... птицеловы со вчера-шняго дня на тундру поѣхали... твоя будетъ...

Барышникъ осклабился, чувствуя новую прибыль; но еще разъ качнулъ головой и, не то соглашаясь надѣлить остыковъ хлѣбомъ, не то нѣть, отправился съ ними по кладовымъ. Кладовые были устроены около каждого чума на высокихъ столбахъ въ томъ же родѣ, какъ устроены они у лапландцевъ. Барышникъ, осматривая запасы, все охалъ и хулилъ рыбу, а начавши отбирать—распоряжался ею какъ своимъ собственнымъ добромъ, и мелкую рыбу — щуку, окунь, стерлядь и другую отбрасывалъ хозяевамъ; крупную же—осетра и лососину остыки откладывали для него.

— А что, не закинуть ли на счастье неводъ и сѣти,—проговорилъ барышникъ, обобравши всю рыбу и входя обратно въ чумъ.—Не обѣхать ли и верши, пока птицеловы вернутся; все равно къ завтраму съ этихъ мѣстъ надо ихъ снимать.

— Ну-ка,—крикнулъ онъ на осяковъ.—И, въ ожиданіи щедрости барышника, осяки заторопились, поволокли все, что было,—невода, сѣти, и отъ старого до малаго принялись за работу.

— Не успѣть до ночи,—замѣтилъ Кастренъ.

— Хлѣбъ осяку нуженъ, онъ неутомимъ,—день и ночь работаетъ,—отвѣчалъ барышникъ,—а вотъ, когда будуть хлѣбъ и запасы, тогда его и сѣ мѣста не сдвинешь: онъ только и дѣло, что сидитъ поджавши ноги у чуvalа, глядить на огонекъ да жуеть или курить табакъ, а не то поѣсть салыкъ, т. е. мучную похлебку, заправленную рыбьимъ жиромъ, полакомится ленешками, испеченными въ золѣ, и спить затѣмъ, да бывать полѣномъ жену, приговаривая: „дѣлай хорошо то, да дѣлай другое“... Жена тогда все одна работаетъ... Онъ у осяковъ хуже скота работаютъ,—говорилъ барышникъ, указывая на женщинъ.

— А, вотъ, поглядите, какъ теперь проворны то стали,—продолжалъ расходившійся сибирякъ, пробираясь за Кастреномъ изъ чума.

Осяки тащили въ это время со всѣхъ чумовъ свои незатѣйливыя рыбакскія снасти. Кастренъ поглядѣлъ на снасти,—онѣ были тѣ же, что и у русскихъ, т. е. сѣти, невода и потомъ одна еще какая-то мѣшковидная сѣть, которую Кастренъ видѣлъ въ первый разъ. Прикрепивъ эту сѣть къ лодкѣ и положивъ въ нее камень, осякъ, вы-

ѣхавъ на середину Оби, опустилъ сѣть на дно, и побѣжалъ внизъ по течению. Приподымая по временамъ конецъ сѣти, осякъ узнавалъ попадалось ли что, и, благодаря обилію рыбы въ Оби, она попадалась даже и въ такой снарядѣ. Другіе осяки, кто съ сѣтью, кто съ неводомъ, въ двухъ или трехъ вѣткахъ проскользнули быстро черезъ Обь въ небольшіе рукава рѣки, где были разставлены верши; и замелькавшія тамъ и сльмъ человѣческія фигуры вдругъ оживили предъ Кастреномъ ровный горизонтъ блестящей на солнцѣ пустыни. Крикъ и плескъ раздавались по всѣмъ направленіямъ. Барышникъ молча слѣдилъ за движениемъ каждой вѣтки; его духъ виталъ уже въ этой пустынѣ, какъ коршунъ, надъ осяцкой добычею,—барышникъ жаждалъ осетра или лососины, и когда вытаскивали невода и сѣти, онъ нагибался и смотрѣлъ пристально на воду,—пѣнится и бурлить ли она отъ всплеска большой рыбы, или нѣтъ. И долго такимъ образомъ на берегу острова тихо стоялъ, выжидая добычи, барышникъ, а въ противоположной сторонѣ долго раздавались надъ ней вдали по Оби уханье и стоны работающихъ осяковъ. День же былъ на исходѣ, солнце близко стояло около горизонта; барышникъ поглядывалъ также и въ другую сторону, откуда, по указанію осяковъ, должны были явиться штилевы; и вотъ затрещалъ въ одномъ мѣстѣ на Оби камышъ, показались изъ-за него

вѣтка, другая,—но это вернулись остыки со снятыми вершами. Къ нимъ навстрѣчу подѣхалъ и остыкъ съ мѣшковидной сѣтью, а тутъ подплыли и остальные рыболовы съ неводомъ и сѣтями; и барышникъ, отбирая на берегу крупную рыбу, думалъ теперь только о птицеловахъ. Онъ все еще мычалъ и хотя затаенно любовался однимъ крупнымъ осетрикомъ, но мыча приговаривалъ постоянно: „плоха... плоха нонѣ у васъ рыба... что-то еще птицеловы привезутъ...“

— Нѣтъ, бачька,—како возражали перемокшіе и уставшіе остыки,—сегодня твоє счастье—рыба удалась хорошая... когда-бъ каждый разъ такая... Пожалуйста, бачька, дай хлѣба и водки... дай,—приставали остыки.

— А, вотъ, будеть птица,—дамъ хлѣба... а не будеть,—не дамъ,—стоялъ на своемъ прижимистый сибирякъ; и послѣ многихъ обѣщаний со стороны остыковъ и снисходя къ просьбѣ Кастрена, онъ отправился, наконецъ, на свое судно, досталъ бытылку водки и стала всѣхъ подчишивать. Остыки давились отъ счастья каждымъ глоткомъ, и одинъ, вышивши чапку, просилъ дать другую и для отца.

— Да, вѣдь, твой отецъ не живъ,—замѣтилъ барышникъ.

— Нѣтъ, бачька, онъ живъ... онъ прошлый годъ умеръ... онъ въ чумѣ лежитъ.

Въ чумѣ, дѣйствительно, на почетномъ мѣстѣ, стояло изображеніе умершаго остыка, которое одѣвали по утрамъ въ костюмъ покойнаго, раздѣвали и клали спать, затѣмъ кормили, т. е. ставили во время обѣда передъ нимъ пищу и, также какъ и самоѣды, остыки вѣрили и были убѣждены, что покойникъ живеть еще по смерти въ могилѣ три года и всѣми вещами, которыя съ нимъ въ могилу положены, онъ пользуется также, какъ и при жизни.

Барышникъ сходилъ, посмотрѣлъ на изображеніе, но лишнюю чапку водки все таки не далъ. Кастренъ угостилъ остыковъ своей водкой и остыки отблагодарили его прекрасными наливами и стерлядями. Они были весьма радушны и услужливы, предлагали Кастрену кто что могъ, и послѣ двухъ чарокъ сдѣлались разговорчивѣ. Не такъ ужъ боязливо и вяло отвѣчали они Кастрену на его распросы о рыбной ловлѣ; объясняли, что лучшую, крупную рыбу забираютъ у нихъ Обдорскіе, Березовскіе и Тобольскіе кущы или барышники, что мелкую они вялять и сушить себѣ на зиму, а нѣкоторую часть пускаютъ въ пруды и озера, выбирая ее оттуда для продажи уже осенью. Говорили, что ясакъ или подать въ казну они платятъ богатыми шкурками пушного звѣря, что у нихъ есть въ Обдорскѣ князь, а въ каждомъ родѣ старшины, которые собираютъ ясакъ; говорили, что прежде у нихъ было много

князей, а Екатерина II утвердила только двухъ князей, изъ которыхъ одинъ остался и живеть теперь около Обдорска,—князь Матвѣй Ивановичъ Тайшанъ.

„Знатный князь,—толковали остыаки, медаль золотая на шеѣ“...

— А рыба то, братцы,—возобновлялъ опять барышникъ разговоръ о рыбѣ,—рыбу то нонѣ сажать вамъ въ пруды и озера не придется...

— Да, бачька, правда твоя,—повторилъ за барышникомъ старикъ-остякъ, — рыбы мало... плохъ стала на Оби уловъ. Наши теперь все по притокамъ ловятъ да по другимъ рѣкамъ... тамъ она лучше ловится... завтра и мы туда уйдемъ... А вонъ и птицу везутъ,—проговорилъ старикъ, указывая на подѣзывающихъ птицелововъ. Вѣтка, нагруженная до половины гусями и утками, подошла къ берегу.

— Сегодня,—говорилъ, охая и качая головой, птицеловъ-остякъ, — четыре раза забрасывали сѣти, а не пришло собрать и двухъ десятковъ... вся птица улетѣла кормиться на другія мѣста... ягоды на тундрѣ и не видать, да и травы то нѣтъ...

— Чѣмъ же вы теперь расплачиваться будете,—страшалъ барышникъ. Но забравши и птицу, онъ надѣлилъ остыаковъ небольшимъ количествомъ хлѣба и водки, обѣщая середь лѣта прїѣхать еще

разъ, и уже приказывалъ имъ завтра же перебираться на другія мѣста.

Надѣленные остыаки просили еще,—кто табаку, кто горшковъ, остатки приставали за иголками, бусами, и старый пріятель-барышникъ, снабдивъ ихъ себѣ не въ убытокъ, пошелъ пировать съ ними въ ихъ чумы. Остыаки, съ говоромъ и шумомъ, съ хлѣбомъ и водкой, засѣли, жаждя салыка или мучной похлебки, у очаговъ, а кучи живой трепещущей рыбы остались покинутыми и забытыми на берегу. Они золотились, залитыя яркими лучами заходящаго солнца. Кастренъ, умащиваясь на ночлегъ въ своей лодкѣ, долго глядѣлъ на эти золотистыя кучи, за которыми горѣла тѣмъ же золотомъ Обь; а тамъ за ней искрились, точно раскаленные щиты, болота и озера самой тундры; и казалось, конца, не будетъ этому блеску и этимъ огненнымъ массамъ. Лучъ не гаснулъ,—онъ только медленно тускнѣлъ, покрываясь красноватымъ отливомъ, а въ природѣ было такъ тихо, такъ страшно тихо, что, несмотря на шумъ и говоръ, жужжавшій изъ остыакскихъ чумовъ, Кастренъ чувствовалъ всю дикость, всю могильную пустоту окружавшей пустыни. Она воскресла вновь передъ его глазами со всѣми ея ужасами, она была, несмотря и на весну, такая же неприступная, мрачная, какъ и всегда; и Обь,—этотъ богъ остыакскій, котораго чутъ остыаки больше всѣхъ боговъ,—эта мать-кормилица, какъ

зоветь ее сибирякъ, казалась Кастрену, съ ея однообразными илистыми берегами, одной изъ безотраднѣйшихъ рѣкъ земного шара. Широкая, заросшая невысокими камышами и кое-гдѣ ракитникомъ, она катила тихо грязныя мутныя воды и наводила на человѣка тоску и уныніе. Ни звука, ни плеска не было слышно, и какой то неопределенный блесковатый сумракъ, которому трудно подъискать и название, висѣлъ надъ ней вмѣсто звѣздной ночи, вмѣсто яркаго дна. Это была ни блаяя ночь, ни темный день; небо казалось не голубымъ, не синимъ, а какимъ то блесковатымъ, и только въ одномъ мѣстѣ на горизонтѣ оно окрасилось краснобагровымъ пятномъ. Тамъ, на этомъ мѣстѣ, зашло солнце. Но вотъ не прошло часу—мучительнаго, мертвящаго часу; не успѣло краснобагровое пятно померкнуть и потускнѣть, какъ снова посеребрился около него блѣдно-желтоватый небосклонъ, проглянуль солнечный лучъ и утренній вѣтерокъ, пропшуршавъ по камышамъ, чарушилъ легкій сонъ болотной птицы. Пронеслась вдали по Оби громкая пѣсня лебедя, закричали гдѣ то на болотѣ гуси, закрякала неистово на всѣ голоса поднявшаяся откуда то стая утокъ, а тутъ, встрѣчая солнечный восходъ, залилась звонкой пѣсней и маленькая заялица. Но, спустя мгновеніе, снова затихло, замерло все вокругъ, и пустынья при яркомъ весеннемъ свѣтѣ дня была такъ же, какъ и прежде, дика и без-

жизненна и даже голосъ человѣка раздавался на ней какъ то печально и страшно. Онъ казался голосомъ погибающаго, голосомъ несчастнаго.

Кастренъ пробрался въ чумъ и разбудилъ своего вожака. За нимъ проснулись и остяки, поднялся барышникъ и закипѣло кочевые торопливыми сборами. Остячки быстро, неутомимо работали около каждого чума, остяки же связывали попарно лодки, клали поперегъ на эти лодки доски, ставили загѣмъ на эти доски чумы, и не больше какъ черезъ часъ Кастренъ направился вверхъ по Оби, сопровождаемый этимъ страннымъ караваномъ переселяющагося кочевья.

Остяки провожали его разными привѣтствіями; но къ ночи Кастренъ былъ снова одинъ съ своимъ вожакомъ кормчимъ, и нигдѣ, ни откуда не доносился до него ни одинъ признакъ жизни. Кормчій рассказывалъ безконечныя исторіи о чудскихъ богатыряхъ, остяцкихъ и татарскихъ князьяхъ, о Ермакѣ и Кучумѣ; а Обь все тянулась тѣми же пустынными, необитаемыми берегами. И такъ прошелъ день, другой, прошла и недѣля; проскользнулъ разъ ночью остякъ на вѣткѣ, таща за собой другую вѣтку. На вопросъ кормчаго,— „что везешь?“ проѣхавши сажень, онъ отвѣтилъ едва внятно:— „мертвый былъ зимусь,—везу хоронить“. За этой же встрѣчей опять шли невыносимые, безрадостные часы и дни, и только голосъ кормчаго напоминалъ Кастрену о существѣ

человѣка. Кормчій разсказывалъ, то о разныхъ приключеніяхъ, бывшихъ съ нимъ на тундрѣ, то объ остякахъ, которые на его опытный взглядъ казались ему самыи честныи и самыи справедливыи народомъ. Онъ говорилъ, что между остяками нѣтъ воровъ и они не знаютъ замковъ и запоровъ, говорилъ, что они помогаютъ другъ другу и не просятъ никогда милостыни, но что они бѣдны и ихъ притѣсняютъ русскіе...

И Кастренъ выслушивалъ не сколько разъ одинъ и тотъ же разсказъ; распрашивалъ или затѣвалъ разговоръ объ одномъ и томъ же и самъ, чтобы занять какъ-нибудь время, а время шло все-таки медленно... однообразно... Пустыня была нѣма... и, глядя на ея безграницность, не разъ становилось на сердцѣ и жутко, и холодно. Показался однажды, въ продолженіи не сколькоихъ дней, барышническій амбаръ на Оби, въ которомъ хранять барышники или купцы, скучаемую ими у остяковъ рыбу; попались потомъ зимняки, или зимнія остяцкія юрты, изъ которыхъ, завидѣвшіи Кастрена, остяки скрылись тотчасъ же и ушли куда то въ сосѣдній лѣсокъ. Кастренъ вышелъ на берегъ, вошелъ въ юрту, которая хотя была и прочнѣе сложена, чѣмъ берестяной чумъ, но видъ ея былъ такой-же невзрачный и неутѣшительный. Это была небольшая низенькая землянка, въ углу ея стоялъ открытый закоптѣлый глинянный очагъ; въ стѣнѣ виднѣлось въ видѣ окна

отверстіе, затыкаемое зимио кускомъ льду, и одна стѣна, какъ мѣстопребываніе всего семейства, увѣшана была камышевыми циновками. Кастренъ посидѣлъ въ юртѣ, подождалъ, думая—не придетъ ли кто изъ остяковъ, но остяки не являлись. Лодка Кастрена снова тихо двинулась впередъ, оставляя по Оби едва замѣтный следъ. На Оби стали понемногу показываться кусты, деревья, берега повышались, и въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ Оби и отъ одного остяцкаго стана, войдя въ лѣсъ, Кастренъ нашелъ подъ сѣнью густыхъ лиственницъ цѣлое общество остяцкихъ боговъ, около которыхъ по деревьямъ развѣшено было множество оленевыхъ шкуръ и роговъ,—это была остяцкая кумирня. Далѣе Кастренъ встрѣчалъ остяковъ уже христіанъ, носившихъ крестъ для виду и поклонявшихъ своимъ идоламъ; встрѣчали цѣлыя деревни остяковъ осѣдлыхъ, живущихъ въ избахъ на подобіе русскихъ; и тутъ Кастренъ видѣлъ остяка не обманываемаго и притѣсняемаго, а научившагося обманывать, плутовать и живущаго заурядъ съ русскимъ.

Съ Оби Кастренъ отправился еще на Енисей, и плылъ по немъ внизъ по теченію на лодкѣ, которая тащилась собаками. Онъѣхалъ на дальний сѣверъ къ Толстому носу; побывалъ на пути въ рыбачкомъ лагерѣ князя маленькаго самоѣдскаго народца—юраковъ; пробрался съ самоѣдами на Толстый носъ; но на обратномъ пути чуть не

замерзъ, и въ ревматизмахъ, окончательно пристуженный, съ зубною болью, съ стрѣляніемъ въ ушахъ и обезсиленный настолько, что не могъ писать письма, онъ отправился, страдая грудью, на югъ Сибири. Вернувшись оттуда черезъ годъ въ Гельсингфорсъ, Кастренъ умеръ въ 1855 году.

Таймурская земля и сибирскіе самоѣды или самоѣдъ.

(Путешествіе Мидендорфа и ловля песца).

осмотрите на карту или на глобусъ. Вы увидите въ Сибири, тамъ гдѣ впадаетъ Енисей и Лена, громадный клинъ земли далеко выдающійся въ Ледовитый океанъ. Это—Таймурская земля или Таймурія. Земля эта до того страшна и неприступна, что даже сибирскіе инородцы, которые свыклись со всѣми ужасами тундры, приковываются на два лѣтніе мѣсяца только къ окраинамъ ея; но въ середину, въ глубь этой пустыни не проникаль, кромѣ звѣря, никто. Смѣлые мореплаватели хотѣли объѣхать ея берега; Овцынъ и Прончищевъ рѣшились на этотъ опасный подвигъ; но не доѣхали и до половины. Они видѣли начало Таймурской тундры, видѣли у береговъ бѣлыхъ медвѣдей, дикихъ оленей, на морѣ же китовъ и бѣлугъ, но затертыя въ ионѣ

ной воды и сейчас же, недокрестившись, стали требовать табака и котловъ.

— Да они вѣдь только и крестятся, что для этого, — пояснилъ бывалый сибирякъ. — Они и крещеные вѣрять въ шамановъ и держатъ по двѣ и по три жены.

И пошли снова разсказы о чукчахъ, корякахъ и о разныхъ происшествіяхъ, бывшихъ на ярмаркѣ; и потянулись колымцы снова черезъ тундру вмѣстѣ съ якутскими кущами для продажи своихъ товаровъ въ Иркутскъ и въ Кяхту.

Тундра раскинулась опять вокругъ на далекій путь, и напуганному воображенію торговцевъ представлялись то кровожадныя тѣни шамановъ, то недоступная, ужасная земля чукчей, то, наконецъ, воинственный, борящійся съ этою природой и нисколько не страшашійся ея, умный, смѣлый и отчаянныи народъ чукчей и коряковъ; то тутъ же рядомъ—слабый остыкъ, голодный юкагиръ, неповоротливый самоѣдъ, — и все это рисовалось въ одной общей нераздѣльной картинѣ, гдѣ выше всѣхъ, какъ человѣкъ, стоялъ чукчъ и корякъ. Но вотъ, послѣ нѣсколькихъ мучительныхъ и длинныхъ переѣздовъ, тундра стала исчезать, и вдали на горизонтѣ показались сизой сплошной тучей сибирскіе лѣса...

Передъ нашими читателями съ слѣдующей книжки явятся и обитатели — инородцы этихъ лѣсовъ.

ТОЛКОВАТЕЛЬ.

I.

Что такое этнографія.

Этнографія (отъ греческаго слова этносъ — народъ и графейнъ — описать) значитъ народоописаніе.

Изъ этихъ словъ мы видимъ, что этнографія — наука, которая занимается описаніемъ народовъ. Но народовъ на землѣ много, и народы эти рѣзко отличаются одинъ отъ другого и языкомъ, и образомъ жизни, и костюмомъ, и религіей, и т. п. Надо, стало быть, описать или познакомиться съ каждымъ народомъ отдельно, а на этомъ основаніи надо невольно и раздѣлить все человѣчество на извѣстныя группы.

Чтобы описать каждый народъ, или каждую группу, надо также описать то мѣсто, на которомъ народъ живетъ, — то-есть описать его въ географическомъ отношеніи; затѣмъ надо описать, какъ онъ прежде жилъ и какъ онъ теперь живетъ, — то-есть въ историческомъ отношеніи, и наконецъ, разсмотрѣть тѣ условія или причины, вслѣдствіе которыхъ онъ жилъ и живетъ такъ, а не иначе.

Такимъ образомъ, изучивъ каждый народъ отдельно, цѣль этнографіи, какъ науки, не есть простое перечисленіе фактovъ изъ быта народовъ,—то-есть какъ народы живутъ, чѣмъ они занимаются и т. п., но объясненіе всего этого на основаніи простыхъ и общихъ законовъ природы.

Въ этомъ смыслѣ конечная или окончательная цѣль этнографіи обобщить всѣ явленія: языка народа, его чувства и мыслей, его нравовъ и обычаевъ, однимъ словомъ—его духовнаго и материальнаго развитія; обобщить, то-есть подвѣстъ ихъ подъ общіе естественные законы, которые одинаковы, или общі, для всѣхъ людей, живущихъ на землѣ. Посредствомъ этого обобщенія этнографія стремится представить отдельные народы и группы народовъ въ одномъ систематическомъ цѣломъ, въ связи одного народа съ другимъ и въ послѣдовательномъ переходѣ отъ части къ цѣлому; то-есть отъ народа, населяющаго какуюнибудь страну, ко всему человѣчеству, которымъ заселенъ весь земной шаръ.

II.

На какія группы или племена раздѣляютъ жителей земли.

Этнографы, которые занимаются наукой этнографіи, раздѣляютъ жителей земли на нѣсколько

группъ, или племенъ, и вслѣдствіе разныхъ причинъ. Одни этнографы, вслѣдствіе однихъ причинъ, дѣлять однимъ образомъ, а другіе, принимая за основаніе своего дѣленія иныхъ причины, иначе и дѣлять. Такъ, одни этнографы принимаютъ въ основаніе своего дѣленія физическіе признаки людей и цвѣтъ ихъ кожи; другіе—сходство языка; треты же раздѣляютъ географически, то-есть по мѣсту жительства, и четвертые, по формѣ черепа.

Гексли дѣлить человѣчество на пять племенъ, или рась, по физическимъ признакамъ.

Фрид. Мюллеръ и другіе ученые—по языку.

Ретцусъ—по формѣ черепа.

Блуменбахъ же, дѣленіе котораго болѣе употребительно, чѣмъ другія, раздѣляетъ жителей земли по физическимъ признакамъ и мѣсту ихъ жительства на слѣдующія пять племенъ, или рась:

1) Кавказская. (Къ ней принадлежать всѣ области Европы).

2) Монгольская. (Населяетъ сѣверъ и востокъ Азіи, Сѣверную Америку и часть Сѣверной Европы).

3) Американская. (Первобытные жители Америки).

4) Малайская. (На Остѣ-Індскихъ и Австралійскихъ островахъ).

5) Эфиопская. (Населяетъ Африку).

III.

Вследствие какихъ причинъ одни народы находятся въ дикомъ состояніи, а другие цивилизованы.

Первоначально всѣ люди находились въ дикомъ состояніи. Въ этомъ насы убѣждаютъ остатки оружія изъ камня и различныя вещи, отысканныя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили наши предки. Эти вещи и оружіе совершенно сходны съ тѣми, которыя употребляются у существующихъ и нынѣ дикарей. Такъ, наши предки жили въ пещерахъ или подъ открытымъ небомъ въ шалашахъ, прикрывались звѣринными шкурами и употреблялитопоры и оконечности стрѣль, сдѣланныя изъ кремня. То же самое мы видимъ у Лопарей, Самоѣдовъ, Остяковъ, Чукчей и другихъ дикихъ народовъ, описанныхъ нами въ настоящей книгѣ. Тѣ же у нихъ шалashi, называемые чумы, тѣ же звѣринные шкуры, которыми дикари прикрываются, или изъ которыхъ дѣлаютъ себѣ одежды; тѣ же, наконецъ, каменные наконечники стрѣль, которые еще не такъ давно стали замѣняться желѣзными.

Отъ дикаго состоянія наши предки сперва перешли къ охотнической или пастушеской жизни. Къ этому побудила ихъ забота о добываніи и сохраненіи себѣ пищи. Въ дикомъ состоя-

ніи имъ были извѣстны нѣкоторыя животныя, которыхъ они употребляли себѣ въ пищу. Подобная пища, однако, была случайной; и дикари иногда ловили животное, или убивали его, а иногда оставались голодными. (Смотри разсказъ о голодѣ Юкарировъ). Желая не подвергать себя такого рода случайностямъ; дикари стали приручать животныхъ, годныхъ для пищи, и стали дѣлать ихъ домашними.

Болѣе полезными животными, какъ успѣли понять наши дикие предки, были животные жвачные,—коровы, овцы, козы и проч. Эти животные давали имъ мясо и молоко для пищи, кожу для одежды, жилы для нитокъ и т. п.

Но приручивъ животныхъ, наши предки не знали, какъ приготовлять запасы для пищи этимъ животнымъ (т. е. не знали употребленія сѣна); на этомъ основаніи имъ приходилось перегонять свои стада, съ мѣста на мѣсто. Эта жизнь нашихъ предковъ называется кочевой илиnomadной жизнью. Въ такой степени, или въ такомъ пе-ріодѣ развитія находятся у насъ въ Россіи Киргизы.

Кочевая жизнь возможна при обиліи хорошихъ пастбищъ и при небольшомъ населеніи. Но скучные пастбища, различныя непредвидѣнныя случаиности,—какъ то засуха и тому подобное, а также и увеличившееся народонаселеніе, при которомъ неизбѣжно столкновеніе однихъ людей съ

другими, тоже нуждавшимися въ пастбищахъ,— заставили нашихъ предковъ-номадовъ заняться обработкою растеній. Обработанныя растенія могли уже постоянно служить на пищу человѣку; но обработка растеній требовала ухода за ними, а отсюда и постоянной жизни на одномъ мѣстѣ,— т. е. осѣдлости.

Такимъ путемъ явилось земледѣліе и третья степень развитія, или начало осѣдлости и развитие цивилизациі. Послѣ каменныхъ орудій и орудій, сдѣланныхъ изъ смѣси, или сплава, олова и мѣди (т. е. бронзы), явилось употребленіе желѣза и явились прочно выстроенные жилища.

Такъ отъ дикаго состоянія человѣкъ перешелъ къ осѣдлости и къ началу цивилизациі. Но не все люди жили на землѣ подъ одинаковыми условіями и обстоятельствами; не все родились и взросліи на какомъ-нибудь одномъ и томъ же мѣстѣ, а вслѣдствіе этого и не все человѣчество могло равно пройти или совершилъ поименованыя нами степени развитія. Въ то время, когда одни народы обитали среди мѣстности, богатой естественными произведеніями, и добывали себѣ пищу съ небольшимъ трудомъ, природа, окружавшая жизнь другихъ народовъ, была сурова, и естественныя произведенія ея скучны. Поэтому народы благодатной природы, имѣя досугъ, употребляли его на усовершенствованіе своей жизни; другіе же народы, лишенные досуга, тратили все

свое время и всю свою энергию на необходимое добываніе пищи. Инымъ однако, изъ этихъ послѣднихъ, хотя съ большимъ трудомъ, но все таки удалось побѣдить суровую, малопроизводительную природу,—и они вышли изъ своего дикаго состоянія; иные же остаются въ дикомъ состояніи и до сихъ поръ. Примѣръ такой борьбы человѣка съ природой, гдѣ онъ долженъ быть уступать природѣ, мы видимъ у народовъ сѣвера,—у нашихъ Остяковъ, Юкагировъ, Чукчей и другихъ. Впрочемъ, коснѣніе народа въ первобытномъ дикомъ состояніи можетъ получиться и отъ совершенно противоположныхъ причинъ. Такъ, дикое, первобытное состояніе мы видимъ среди народовъ Полинезіи и Африки, гдѣ природа крайне роскошна и крайне богата. Тамъ она даетъ человѣку такъ много и такъ легко, что въ немъ не является побужденій стремиться къ усовершенствованію способовъ добыванія пищи и къ расширению жизненныхъ удобствъ. На этомъ то основаніи, какъ у дикихъ сѣвера отъ безпрерывной и скучной борьбы съ природой, такъ и у дикихъ Полинезіи и Африки, вслѣдствіе окончательного отсутствія этой борьбы, искусство человѣка и его умъ остаются въ неподвижномъ состояніи, и человѣкъ изъ дикаго, первобытнаго положенія не выходить.

Вотъ причины, почему одни народы остались на землѣ и до сихъ поръ въ первобытномъ со-

стоянії, другі же находятся на второй ступени развитія, и третіи, осѣдлые—пользуются начальами цивилизації.

IV.

Вслѣдствіе чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ болѣе исчезаетъ растительность и почему на тундрѣ береза маленькая, кривая и приземистая.

Для жизни растенія необходимы тепло и свѣтъ. Растеніе питается преимущественно водою и разными минеральными частицами земли, растворямыми въ водѣ, а также атмосферой или воздухомъ, согрѣтымъ до извѣстной степени солнечными лучами. Растеніе питается водою въ то время, когда вода въ жидкому состояніи, жидкое же состояніе воды является только во время тепла; а такъ какъ на сѣверѣ солнечные лучи согрѣваютъ атмосферу на весьма короткое время и земля оттаиваетъ, а вода превращается въ жидкое состояніе не надолго, то и время для питания растенія весьма непродолжительное. И чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ холоднѣе, тѣмъ солнечные лучи согрѣваютъ землю менѣе и непродолжительнѣе, а вслѣдствіе этого и жизнь для растенія становится неудобной.

Поверхность земли оттаиваетъ, небольшимъ слоемъ, т. е. не глубоко, а поэтому корни растеній идутъ поверхъ земли, углубиться въ нее не имѣ-

ютъ силъ, и вслѣдствіе этого, а также и вслѣдствіе безпрерывныхъ сильныхъ морозовъ и холодныхъ сѣверныхъ бурь, всѣ вѣтви и побѣги, выставляющіеся изъ подъ снѣга, замерзаютъ или умираютъ. Такъ, низкорослая береза, лиственница, кедровникъ и другія деревянистые растенія сѣвера разстилаются по землѣ и не поднимаются выше одного или двухъ футовъ.

Лишай и мхи,— эти простейшія по строенію растенія, являющіяся подъ снѣгомъ и живущія на скалахъ, каменьяхъ, деревьяхъ и на всемъ томъ, что доставляетъ влагу,— эти растенія только и могутъ существовать въ изобиліи на нашемъ крайнемъ сѣверѣ, или на тундрѣ.

V.

Почему природа на крайнемъ сѣверѣ не благопріятна для человѣка.

Главныя условія человѣческой жизни—тепло и свѣтъ, а мы знаемъ, что на крайнемъ сѣверѣ холодъ стоитъ впродолженіе девяти мѣсяцевъ и два мѣсяца въ году солнце не показывается совсѣмъ, т. е. два мѣсяца бываетъ ночь — темнота. Эта ночь, какъ и холодъ, по мѣрѣ приближенія къ полюсу, увеличиваются и, наконецъ, у полюса ночь продолжается ровно полгода, или шесть мѣсяцевъ. На этомъ то основаніи, то есть, вслѣдствіе отсутствія тепла и свѣта, чѣмъ ближе къ

полюсу, тѣмъ болѣе и болѣе исчезаютъ животное и растеніе, а человѣкъ, кромѣ тепла и свѣта, требуетъ также пищи, которая состоитъ главнымъ образомъ изъ животныхъ и растеній.

VI.

Почему на крайнемъ сѣверѣ ночь лѣтомъ бываетъ два мѣсяца, а на самомъ полюсѣ полгода.

Земля, или земной шаръ, вращается около солнца такимъ образомъ, что одну половину года земной шаръ наклоненъ болѣе къ солнцу однимъ полюсомъ, а другое полугодіе—другимъ полюсомъ. При этихъ наклоненіяхъ солнце болѣе всего, и даже постоянно, находится надъ чертой, раздѣляющей эти половины земли, то есть надъ чертой, которая называется экваторомъ. Вслѣдствіе этихъ наклоненій земли и вслѣдствіе того, что солнце находится постоянно надъ экваторомъ, проходитъ то, что когда земной шаръ наклоненъ къ солнцу однимъ полюсомъ, то этотъ полюсъ будетъ освѣщенъ, а на другомъ полюсѣ въ это же самое время будетъ темнота или ночь, которая чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ болѣе уменьшается и дѣлается равномѣрнѣе съ днемъ.

Такимъ образомъ, когда земной шаръ наклоненъ къ солнцу южнымъ полюсомъ и солнце болѣе освѣщаетъ, такъ называемое, южное полуши-

ріе, тогда на сѣверномъ полушаріи ночи становятся длиннѣе, и чѣмъ ближе къ оконечности, или къ сѣверному полюсу, тѣмъ величина ихъ болѣе и болѣе превышаетъ величину дня. Такъ, напримѣръ, когда въ Петербургѣ ночь продолжается въ ноябрѣ 19-ть часовъ, то въ это же время въ Мезенѣ она равняется суткамъ, въ Колѣ же, которая гораздо сѣвернѣе Мезени, два мѣсяца, а на полюсѣ—полгода.

VII.

Почему на крайнемъ сѣверѣ день лѣтомъ бываетъ два мѣсяца, а на самомъ полюсѣ полгода.

Прежде чѣмъ объяснить этотъ вопросъ, надо замѣтить, что земной шаръ, вращаясь или обходя въ теченіе года вокругъ солнца, въ то же время ежедневно вращается около себя или около своей оси, которая есть не больше какъ воображаемая линія, проходящая черезъ центръ земнаго шара и соединяющая полюсы.

Земной шаръ, вращаясь около своей оси, поворачивается или обращается къ солнцу то одной своей стороной, то другой. При этомъ, если мы проведемъ вокругъ земного шара линію не черезъ полюсы, а такимъ образомъ, что она будетъ находиться въ равномъ разстояніи отъ полюсовъ и раздѣлить земной шаръ пополамъ, тогда, про-

водя въ равномъ повсюду отъ нея разстояніи другую круговую линію, а за ней третью и т. д., мы увидимъ, что та круговая линія, которая раздѣлила земной шаръ пополамъ, будетъ самая большая линія, и тѣ круговые линіи, которые ближе къ ней, будутъ больше тѣхъ, которые дальше отъ нея. Такимъ образомъ произойдетъ то, что чѣмъ круговые линіи ближе къ полюсамъ, тѣмъ онъ будутъ менѣе и менѣе, и, наконецъ, на самомъ полюсѣ превратятся въ точку. Если мы поставимъ предметъ на большую круговую линію, то понятно, что при томъ случаѣ, когда онъ скроется отъ солнца, во время вращенія этой большой линіи, онъ будетъ дальше находиться виѣ солнечнаго свѣта, чѣмъ тотъ предметъ, который бы мы поставили на меньшую линію, и тѣмъ болѣе чѣмъ тотъ, который стоялъ бы на крайней точкѣ или на полюсѣ. На полюсѣ, вслѣдствіе этого, предметъ будетъ освѣщенъ до тѣхъ поръ, пока полюсъ съ своимъ полушаріемъ наклоненъ къ солнцу и пока земной шаръ не наклонится къ солнцу другимъ полюсомъ.

Изъ этого ясно видно, что когда земля наклонена къ солнцу съвернымъ полюсомъ, тогда, по мѣрѣ, приближенія къ съверному полюсу, день становится больше, и въ то время, когда въ Петербургѣ день продолжается въ юнѣ 19 часовъ, въ Мезенѣ онъ продолжится сутки, въ Колѣ,

которая гораздо выше Мезени, два мѣсяца, а на полюсѣ—полгода.

VIII.

Вслѣдствіе чего съверная весна проходить быстро и лѣто на съверѣ короткое.

Солнце, какъ мы только что сказали, постоянно находится надъ экваторомъ; то есть земля, при вращеніи своемъ около солнца, обращена къ нему такимъ образомъ, что вертикальные солнечные лучи падаютъ на экваторъ, а косвенные—на полюсы. На этомъ основаніи тепло, или солнечный жаръ, болѣе всего приходится на долю экватора, или экваторіальныхъ странъ, и менѣе всего на полюсы, или полярныхъ странъ. Косвенные лучи солнца, падающіе на полюсъ, становятся вертикальныѣ, или менѣе косвенными, по мѣрѣ наклоненія полюса къ солнцу. Но такъ какъ полюсъ наклоняется къ солнцу до извѣстной только степени, и потомъ снова сейчасъ же наклоненіе уменьшается, то понятно, что едва солнечный лучъ дойдетъ до того предѣла вертикальности, когда онъ станетъ нагревать землю сильнѣе и едва такимъ образомъ растаютъ льды, какъ наступаетъ лѣто, а затѣмъ, спустя непродолжительное время, вслѣдствіе отклоненія полюса, солнечный лучъ снова дѣлается косвенныѣ, и лѣто проходить; и чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ оно короче, или же проходить скорѣе.

IX.

Почему оть мороза трескаются скалы и каменья.

(Явление, о которомъ упоминается при описаніи каменистой почвы земли Чукчей и Коряковъ).

Тепло имѣть то свойство, что каждый предметъ подъ вліяніемъ его расширяется и, обратно, холода имѣть такого рода дѣйствіе на предметъ, что предметъ сжимается. Изъ всѣхъ предметовъ природы одна вода составляетъ нѣкоторое исключение изъ этого общаго правила. Наибольшее сжатіе воды оть холода бываетъ при температурѣ 4-хъ градусовъ тепла, далѣе же, при болѣе сильномъ холода, замерзая, вода уже не сжимается, какъ всѣ другіе предметы, а снова подлежитъ расширению. На этомъ основаніи, вода, находящаяся въ бутылкѣ, при замерзаніи, разрываетъ бутылку; точно также вода, находящаяся въ щеляхъ скаль и каменьевъ, въ то время, когда бываютъ сильные морозы, замерзаетъ, а скалы и каменья, оть давленія расширяющейся воды, разрушаются или лопаются.

X.

Отчего происходитъ сѣверное сіяніе.

Сѣверныя сіянія преимущественно видны въ полярныхъ странахъ, и, по замѣчанію нѣкоторыхъ

наблюдателей, они являются какъ у сѣверного, такъ и у южного полюсовъ въ одно и то же время. Видъ сѣверныхъ сіяній бываетъ различный; но чаще всего они имѣютъ тотъ видъ, который мы описали въ разсказѣ о самоѣдахъ.

До сихъ поръ явленія этого не могутъ объяснить ничѣмъ. Теперь известно только, что явленіе это находится въ тѣсной связи съ двумя силами, называемыми магнетизмомъ и электричествомъ. Тѣсная связь съ ними замѣчена во - первыхъ на магнитныхъ стрѣлкахъ, имѣющихъ въ компасахъ, которыя, при появленіи сѣверного сіянія, сильно возмущаются, или приходятъ въ движеніе (и чѣмъ сѣверное сіяніе больше, тѣмъ движение стрѣлки сильнѣе); во-вторыхъ же вліяніе сѣверного сіянія замѣчено и на электрическихъ телеграфахъ, которые во время сѣверного сіянія перестаютъ дѣйствовать.

Вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ, ученые полагаютъ, что сѣверное сіяніе есть явленіе, происходящее оть электричества и магнетизма; а известный ученый Гумбольдтъ называлъ сѣверное сіяніе магнитною бурею.

XI.

Вслѣдствіе чего въ сѣверной части Оби и другихъ сибирскихъ рѣкъ, иной годъ много рыбы, а иной—мало.

Это явленіе происходитъ вслѣдствіе, во-первыхъ, затиранія устьевъ рѣкъ льдомъ; а во-вторыхъ, вслѣдствіе большого половодья. Когда при устьяхъ рѣкъ много накапливается льда, то рыбѣ трудно пройти въ рѣки изъ океана; когда же большое половодье, то вода въ рѣкахъ дѣлается мутнѣе, и рыба поэтому идетъ метать икру вверхъ по рѣкѣ, къ мѣстамъ, где вода сдѣлалась чище и теплѣе. Мутной воды рыба не любить, потому что жабры ея засариваются, а отъ этого становится дыханіе затруднительнѣе, и кромѣ того мутная вода своей тяжестью сдавливаетъ свободное движеніе жабръ. Замѣтимъ еще, что рыба идетъ вверхъ противъ теченія на томъ основаніи, что противотекущая вода давить на внутренности, чѣмъ облегчаетъ рыбѣ метаніе икры, затѣмъ вода силою своей скорѣе смываетъ съ яичекъ икры слизь, и, наконецъ, на чистыхъ и мелкихъ водахъ солнце живительнѣе пригрѣваетъ только что проклонувшуюся, или явившуюся на свѣтъ изъ икры рыбку. Отъ этого то каждый можетъ видѣть, что стада мелкихъ рыбокъ всегда носятся многочисленнѣйшими партіями у окраинъ песчаныхъ береговъ.

XII.

Вслѣдствіе какихъ причинъ всѣ сѣверныя животныя бѣлаго цвѣта.

Причины, вслѣдствіе которыхъ животныя въ разныхъ странахъ имѣютъ различныя цвѣта, неизвѣстны пока никому; и ученые, слѣдя наблюденіямъ и фактамъ, объясняли до сихъ поръ двумя способами.

Всѣ цвѣта, говорятъ ученые, въ ихъ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ, зависятъ отъ свѣта. Чѣмъ болѣе свѣта, тѣмъ болѣе пользуются имъ животныя и тѣмъ поразительнѣе, пестрѣе и разнообразнѣе являются ихъ цвѣта. Только въ жаркихъ поясахъ, обладающихъ богатствомъ свѣта, можетъ родиться и жить испещренный пятнами тигръ, а обезьяны съ синими, желтыми и красными мордами встрѣчаются, какъ извѣстно, только подъ экваторомъ. Болѣе другихъ классовъ животныхъ подъ вліяніемъ лучей свѣта находятся птицы, и онѣ являются крайне разнообразные и развитые цвѣта. Вліяніе свѣта замѣтно также и на отдельныхъ частяхъ организма животнаго. Тѣ части, которая по своему природному положенію болѣе подвержены вліянію свѣта, являются съ болѣе яркими и разнообразными цвѣтами,—такъ окраска спины животнаго всегда ярче окраски живота. Впрочемъ, не только въ животныхъ, но

даже и въ растеніяхъ мы видимъ, что во всѣхъ родахъ растеній вѣнчикъ, обращенный къ свѣту, всегда наиболѣе разукрашенъ, чѣмъ все остальное. И на раковинахъ тропическихъ странъ, и тутъ замѣчается, что обѣ стороны различно раскрашены,—обращенная къ свѣту,—желтая, а нижняя — бѣлая. Это же можно замѣтить и на рыбахъ; у камбалы, напримѣръ, которая плаваетъ на одномъ боку, — бокъ, обращенный къ свѣту, окрашенъ, а поверхность другого бока совершенно бѣлая. Такъ, вслѣдствіе отсутствія свѣта, всѣ сѣверные животныя покрыты бѣлымъ цвѣтомъ.

Это объясненіе причинъ той или другой окраски животныхъ существуетъ уже давно; другое же объясненіе мы находимъ у Дарвина и другихъ новѣйшихъ ученыхъ въ слѣдующемъ видѣ:

Размноженіе всѣхъ животныхъ, говоритъ Дарвинъ, идетъ такъ быстро, что, если бы оно могло совершаться безпрепятственно, тогда бы потомство любого изъ животныхъ могло въ болѣе или менѣе непродолжительное время покрыть собою весь земной шаръ. Одна треска ежегодно производитъ до миллиона икринокъ. Это размноженіе сдерживается во-первыхъ ограниченнымъ количествомъ пищи и во-вторыхъ прямымъ истребленіемъ, которому подвергаются животныя со стороны своихъ непріятелей. Мы знаемъ, что одни животныя поѣдаютъ другихъ животныхъ. Понятно, что при этомъ будетъ имѣть преимущество то жи-

вотное, которое обладаетъ большею силой, быстротою бѣга или полета, остротою зрѣнія, слуха и проч. Эти качества передаются, какъ изслѣдовано учеными, по наслѣдству; и такимъ образомъ, передаваясь по наслѣдству, они обеспечиваютъ дальнѣйшее существованіе животныхъ, которыхъ одарены ими наиболѣе. Такое обстоятельство ведеть въ то же время къ усовершенствованію породъ, такъ какъ въ борьбѣ за существованіе уцѣльваются только сильнѣйшія и способнѣйшія, передавая эти качества и своимъ потомкамъ.

При этомъ надо однако замѣтить, что животныя не всегда могутъ спасаться отъ непріятеля помощью приведенныхъ выше качествъ; иногда имъ приходится укрываться отъ враговъ, стараясь быть ими незамѣченными. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ для нихъ является существенно важнымъ подходить по своему цвѣту къ окружающимъ ихъ предметамъ. Для этой цѣли животному, жизнь которого проходить на землѣ, всего выгоднѣе приобрѣсть земляной цвѣтъ. Общеизвѣстныя примѣромъ могутъ служить нѣкоторыя земляные лягушки, тетерева и проч. Для животныхъ, обитающихъ въ травѣ, или въ древесныхъ листьяхъ, слѣдуетъ принимать зеленые окрашиванія, какъ можно болѣе сходныя съ естественнымъ цвѣтомъ травы и листьевъ. Примѣръ этого мы видимъ въ червяхъ и насѣкомыхъ, водящихся

на деревьяхъ.. Особенno интересенъ подобнаго рода фактъ, сообщаемый однимъ ученымъ Уоллесомъ о бабочкѣ весьма обыкновенной въ Индіи и Суматрѣ, называемой тамъ каллимма. Бабочка каллимма, садясь на кустъ, исчезаетъ какъ бы по волшебству; на самомъ же дѣлѣ ея голова и усики скрываются между сложенными крыльями, а крылья по формѣ, цвету и расположению жилокъ съ большимъ трудомъ могутъ быть отличены отъ увядшаго листа съ его стебелькомъ.

Такимъ образомъ для животныхъ, живущихъ въ странахъ, большую часть года покрытыхъ снѣгомъ, является весьма важнымъ, для лучшей возможности укрываться отъ непріятеля, походить на снѣгъ. „Никто никогда не сомнѣвался, говорить знаменитый ученый Дарвинъ, что животныя, обитающія въ покрытой снѣгомъ мѣстности, принимаютъ блѣдный цветъ для охраненія отъ непріятелей или для лучшей возможности приближат-ся къ своей добычѣ“.

Подобное приспособленіе настолько важно, что ученый Палласъ, путешествовавшій по Сибири, свидѣтельствуетъ о сибирскихъ животныхъ, что они, какъ, напримѣръ, волкъ, лошадь, корова, лось, сѣверный олень и другія, постепенно, по мѣрѣ распространенія въ сѣверныхъ странахъ, постоянно покрытымъ снѣгомъ, съ приближенiemъ къ зимѣ, утрачиваютъ яркость своего окрашиванія и становятся болѣе и болѣе блѣднаго цвета.

„Еслибы названный животныя, прибавляеть къ этому Дарвинъ, постепенно распространялись въ странахъ, вѣчно покрытыхъ снѣгомъ, то ихъ блѣдное зимнее окрашиваніе постоянно переходило бы въ болѣе и болѣе блѣдое, пока по своему цвету не уподобилось бы совершенно снѣгу.“

Брэмъ объ окраскѣ животныхъ говоритъ: „Каждый наблюдатель непремѣнно замѣтилъ, что на всякомъ твореніи отражается не только отечество, въ обширномъ смыслѣ слова, но и то ограниченное пространство, на которомъ оно живетъ. Связь между животнымъ и той страной, въ которой оно живетъ, выскаживается не только въ его организаціи, но и въ цветѣ его шерсти. Обыкновенный правиломъ можетъ служить то, что цветъ животнаго вполнѣ соответствуетъ съ преобладающимъ цветомъ его мѣстопребыванія. Необыкновенная польза, происходящая для животнаго отъ этого сходства цветовъ, будетъ понятна, если мы припомнимъ, что хищное животное должно какъ можно незамѣтнѣе красться за свою добычею, а слабое животное стараться какъ можно лучше спрятаться. При этомъ Брэмъ приводить безчисленное множество примѣровъ. Смотри Брэма „Жизнь животныхъ“ стр. XXIII. Скажемъ теперь въ заключеніе, что изъ всѣхъ наблюденій ученыхъ,—на цветъ животнаго видимо имѣютъ влияніе не только сѣло, приспособленіе животнаго; но и возрастъ, и полъ, а также и прирученіе животнаго.

XIII.

Вслѣдствіе какихъ причинъ происходить людоѣство, а у самояди болѣзнь, при которой они жаждутъ человѣческой крови.

Въ странахъ, гдѣ человѣкъ съ особенными усилиями добываетъ себѣ пищу, людоѣство объясняется недостаткомъ пищи. Такъ жители Огненной земли, при крайнемъ голодѣ, съѣдаются сперва своихъ старухъ, а потомъ и собакъ. Собаки для нихъ полезнѣе старухъ, такъ какъ собаки служать имъ при отысканіи пищи. Въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, на нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи и въ иныхъ мѣстахъ Америки, людоѣство поддерживается и существуетъ или въ силу религіозныхъ обычаевъ, требующихъ приношенія человѣка въ жертву, или же вслѣдствіе презрительного отношенія къ чужимъ племенамъ, съ которыми ведя постоянную войну, дикіе считаются своихъ враговъ наравнѣ съ животными.

Болѣзнь человѣкоѣденія у Самояди ученые объясняютъ потребностью Самояди въ употребленіи крови, какъ лекарственной необходимости; а затѣмъ признаютъ ее результатомъ безвыходно-мрачнаго состоянія духа, которое необходимо должно овладѣть Самоядью, какъ самымъ сѣвернымъ племенемъ, испытывающимъ болѣе другихъ народовъ отсутствие солнца съ его свѣтомъ и теплотой.

XIV.

Вслѣдствіе какихъ причинъ шаманы вѣрять въ однихъ только злыхъ духовъ и почему они раздражительны.

Извѣстный ученый Лекки, въ своей книгѣ „Исторія рационализма въ Европѣ“ говоритъ: „Явленія природы, которыя дѣйствуютъ опустошительно, и явленія чрезвычайныя, необыдепныя— объясняетъ далѣе Лекки—производятъ на умъ дикаря впечатлѣніе самое сильное. Поэтому, вспоминая о страшныхъ, грозныхъ явленіяхъ природы, объ ужасныхъ болѣзняхъ и тому подобномъ,— дикарь приходитъ къ сознанію присутствія въ мірѣ дьявольской силы. Въ темнотѣ ночи, въ зияющихъ безднахъ, въ дикомъ эхо ущелій, въ блестящей кометѣ, во мракѣ затмѣнія, въ землетрясеніи, въ чумѣ, въ болѣзняхъ, однимъ словомъ во всемъ страшномъ, могучемъ и смертоносномъ,— дикарь видить естественную силу и невольно преклоняется передъ нею. Вполнѣ подвергнутый всѣмъ вліяніямъ природы, онъ живетъ въ постоянному страхѣ того, что онъ считаетъ прямымъ дѣйствіемъ злыхъ духовъ. Чувствуя ихъ постоянное присутствіе вокругъ себя, онъ, конечно, старается войти съ ними въ сношенія и расположить ихъ въ свою пользу приношеніями. Если какое либо великое несчастье разразится надъ

нимъ, или какая либо страсть овладѣть его умомъ, онъ естественно постарается воспользоваться ихъ властью и его возбужденное воображеніе убѣдить его, что онъ успѣль въ своемъ желаніи“.

О раздражительности шамановъ мы приведемъ слова одного медика, долго наблюдавшаго и изучавшаго жизнь шамановъ въ Сибири.

„Сухощавое сложеніе, блѣсовато - блѣдное лицо, нервный темпераментъ, глаза выразительные, полные внутренней жизни, лицо съ выражениемъ озабоченнымъ, сосредоточеннымъ на чемъ то, какъ бы недовольнымъ и тоскующимъ, воображеніе сильное, мечтательность съ наклонностью къ мистицизму, впечатлительность и раздражительность къ малѣйшимъ явленіямъ изъ всего окружающаго,—вотъ особенности,—говорить докторъ,—„которая съ дѣствомъ оттѣняютъ будущаго шамана“. „Эта натура, говорить онъ, въ обыденныхъ медицинскихъ наблюденіяхъ принадлежитъ къ тѣмъ натурамъ, которые расположены къ истерикѣ, падучей болѣзни, пляскѣ св. Витта и т. п. нервнымъ страданіямъ. Поэтому, будущій шаманъ, поступая въ науку предшественниковъ, и изучая заклинанія, пѣсни, молитвы, и присутствуя при всѣхъ шаманствахъ, получаетъ еще большее разстройство нервовъ. Кромѣ того существующій обычай передъ шаманствомъ уединяться, поститься цѣлые дни, не есть, принимать сплошь дѣйствующія на первы средства въ родѣ мухомора, да еще

обычай окружавшихъ вскрикивать, подпрыгивать и т. п. напряженія организма, дѣлаютъ шамана болѣзненнымъ и крайне раздражительнымъ“.

XV.

Вслѣдствіе чего дикии сѣвера любятъ табакъ и Ѣдять мухоморы.

Всѣ народы испоконъ вѣковъ стремились усиливать дѣятельность чувствъ и мысли. Это происходило и происходитъ на томъ основаніи, что для человѣка подобное усиливаніе или возбужденіе весьма приятно. Для возбужденія люди нашли такія вещества, которыя имѣютъ въ себѣ, такъ называемое, наркотическое свойство. У китайцевъ для возбужденія употребляется опумъ, у индѣйцевъ—гашишъ, некоторые народы приготовляютъ для возбужденія напитки изъ разныхъ плодовъ; а дикии сѣвера любятъ очень табакъ, водку и грибы-мухоморы, имѣющіе тоже одуряющее свойство, какъ и водка.

XVI.

Откуда взялся обычай татуировать лица.

Профессоръ Вайцъ говоритъ: „Какъ бы человѣкъ ни былъ бѣденъ и жалокъ, онъ находитъ удовольствие въ украшеніи себя“. Болѣе всего эта страсть украшать себя является у дикихъ;

и одинъ англійскій мыслитель доходитъ даже до такого убѣженія, что первоначальное назначеніе одежды было украшеніе, а не доставленіе теплоты. Оригинальная страсть къ этому у индійцевъ Южной Америки выражается тѣмъ, что „здоровый мужчина отдаетъ двухнедѣльный тяжелый заработокъ за то количество краски, которое ему необходимо, чтобы раскрасить себя въ красный цвѣтъ“. Дикіе обитатели Европы приносили въ свои пещеры всякія блестящія и рѣдкія вещи, которыхъ имъ удавалось найти. И въ настоящее время дикии вездѣ украшаютъ себя перьями, ожерельями, браслетами, серьгами и проч. Они раскрашиваютъ себя самыми разнообразными способами. Въ одной части Африки красятся черной краской; въ другой—ногти красятся въ желтый или пурпурно-красный цвѣтъ. Во многихъ мѣстахъ волосы окрашиваются въ разнообразные оттенки. Въ различныхъ странахъ зубы покрываются черной, красной, голубой и другими красками, а на Малайскомъ архипелагѣ считается даже позоромъ имѣть бѣлые зубы, какъ будто у собаки. Отъ полярныхъ странъ на сѣверѣ, до Новой Зеландіи на югѣ, нельзя указать ни одной обширной страны, туземцы которой не татуировали бы себя. Тотъ же обычай существовалъ у древнихъ евреевъ и древнихъ бретонцевъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТОЛКОВАТЕЛЯ.

- I. Что такое этнографія.
- II. На какія группы или племена раздѣляются жителей земли.
- III. Вследствіе какихъ причинъ одни народы находятся въ дикомъ состояніи, а другие цивилизованны.
- IV. Вследствіе чего, чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ болѣе исчезаетъ растительность и почему на тундрѣ береза маленькая, кривая и приземистая.
- V. Почему природа на крайнемъ сѣверѣ не благопріятна для человѣка.
- VI. Почему на крайнемъ сѣверѣ день лѣтомъ бываетъ два мѣсяца, а на самомъ полюсѣ полгода.
- VII. Почему на крайнемъ сѣверѣ ночь лѣтомъ бываетъ два мѣсяца, а на самомъ полюсѣ полгода.
- VIII. Вследствіе чего сѣверная весна проходить быстро и лѣто на сѣверѣ короткое.
- IX. Почему отъ мороза трескаются скалы и каменья.

- X. Отчего происходит съверное сіяніе.
- XI. Вслѣдствіе чего въ съверной части Оби и другихъ сибирскихъ рѣкъ иной годъ много рыбы, а иной—мало.
- XII. Вслѣдствіе какихъ причинъ всѣ съверныя животныя бѣлага цвѣта.
- XIII. Вслѣдствіе какихъ причинъ происходить людоѣство, а у самояди болѣзнь, при которой они жаждутъ человѣческой крови.
- XIV. Вслѣдствіе какихъ причинъ шаманы вѣрятъ въ однихъ только злыхъ духовъ и почему они раздражительны.
- XV. Вслѣдствіе чего дикари любятъ табакъ и єдятъ мухоморы.
- XVI. Откуда взялся обычай татуировать лица.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	3
Введение	13
Ламандцы или Лопары	17
Самоѣды	40
Остаки	67
Таймурская земля и Сибирскіе Самоѣды или Самоѧдь.	87
Юкагиры	102
Земля Чукчей и Коряковъ	111
Толкователь	131